

POBЕЧЬ

9'91 СЕНТЯБРЬ

В НОМЕРЕ:

4. СМОТРИТЕ
6. Николай Барсуков. Я ПРИЕХАЛ В ПАРИЖ И РАСПЛАКАЛСЯ
9. Эндрю Росс. «КОМПОТ»
11. Айвар Экланд. ПО ВОЛЕ СЛУЧАЯ
12. Вибке Брунс. ВАЛЕНТИНО
15. Мишель Серр. ВСЕМУ ОСТАЛЬНОМУ — НЕ ВЕРЬТЕ
17. РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»
19. РОК 70-х
19. Мишель Лансело. РАЗМЫШЛЕНИЯ У ВЕРСТОВОГО СТОЛБА
20. Илья Стогов. «ДА ОТКУДА Ж ТЫ ВЗЯЛСЯ НА НАШУ ГОЛОВУ?»
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. Франсуаза Саган. ХРАНИТЕЛЬ СЕРДЦА. ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН
28. Полли Стэноч Рикс. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ШКОЛЫ
29. Е. Лившиц. «ТРИ ТЫСЯЧИ»
31. ВИДЕОКЛУБ

На первой странице обложки: «Война!» Прошел год, как этот парень, разносчик газет в Гонолулу, одновременно со всеми другими разносчиками новостей в мире, возвестил о начале новой войны — на сей раз в Кувейте. Зачем сегодня вспоминать о войне, которая славой закончилась освобождением страны и нападением оккупантов? Просто потому, что память человека нуда короче, чем та «моротная война», и по-прежнему нет уверенности, что завтра снова вот такой же разносчик газет не возвестит: «Война!» На сей раз...

РОВЕСНИК 9'91 СЕНТЯБРЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Учредители:

Журналистский коллентив редакции

ЦК ВЛКСМ

ИПО «Молодая гвардия»

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. В. ЖУРАВЛЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ (ответственный секретарь), С. В. КОЗИЦКИЙ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ (зам. главного редактора)

Художественный редактор Т. Н. Филипповская

Оформление художника И. М. Немдановой

Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник. Сдано в набор 10.07.91. Подписано в печ. 08.08.91. Формат 84 x 108 1/16. Печать офсетная. Бумага книжно-журнальная № 2. Усл. печ. л. 3,36. Усл.-ир. отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 2 055 000 экз. Цена 50 коп. Зак. 2144

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Н-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

НА АРЕНЕ ИНДИЙСКОГО ЦИРКА

Цирк в Индию был завезен из Италии в 1878 году человеком по имени Черини и сразу был перенят и трансформирован индийцами в соответствии со своими нравами и традициями. Если в Европе, например, принято на выступления одевать животных в человеческие наряды, то в Индии цирковые артисты гримируются и одеваются «под животных» и так исполняют акробатические номера. Другая особенность индийского цирка — большое участие в его программах детей.

Обычно цирковыми артистами тут становятся следующим образом. Например, девочке 6 лет, ее семья живет в нищете, и за 4 тысячи рупий отец отдает дочь в цирк на 4 года. Это большие деньги, достаточные, чтобы прокормить всю семью в течение целого года. Девочку забирает с собой женщина, которая ведет набор детей по индийским деревням.

Путешествие в цирк может занять много дней, но вот девочка попадает в совершенно новый для себя мир, который поначалу пугает. Но теперь женщина, которая ее сюда привезла, заменяет ей мать. Она знакомит девочку с другими детьми, учит готовить и шить.

Все девочки цирка живут вместе в одном общежитии, под ее охраной. Нельзя допустить, чтобы кого-нибудь из них изнасиловал взрослый мужчина. Ведь по индийским традициям потерявшая девственность потом не сможет выйти замуж.

Вновь прибывшую прикрепляют к гуру, учителю, который передает ей свое мастерство. Он заставляет девочку прогнуться, та жалуется, что ей больно. Придется потерпеть, говорит учитель, если ты хочешь стать «гуттаперчевой леди».

Через год она уже выступает перед публикой.

Впервые, когда она выходит на арену исполнить свой номер и слышит аплодисменты, она улыбается. И это единственная ошибка, которую она допускает за все выступление. В индийском

цирке артистам запрещено улыбаться.

На снимке: репетиция юных артистов в цирке в Ахмадабаде.

ВЕЧЕРОМ НА ДОСУГЕ

Восточногерманские неонацисты внешне такие же, как западные: обритые головы, грубые кожаные башмаки и татуировки. Но, говорят, неонацисты на востоке еще круче, чем на западе. И многие законопослушные граждане объединившейся страны опасаются, что теперь единый фронт юных фашистов грозит им массой неудобств.

Вечер в парке отдыха в центре Берлина, неподалеку от Александер-плац. Здесь установлен огромный видеозащитный экран, доставленный сюда фирмой «Мерседес-Бенц». Сначала под ним собиравается околo взвода бритоголовых подростков, некоторые из них, как в тоги, завернуты в странные флаги; большой черный крест на белом фоне, в центре черный орел, в правом верхнем углу — маленький «железный крест». Это боевое знамя нацистской Германии времен первой мировой войны.

Бритоголовые смотрят на экран, на котором германская футбольная команда играет с командой какой-то другой страны. Теперь бритоголовых уже два взвода. Они пьют пиво и залускают шутихи. Трое из них затевают ссору с рокером. Но выходит промашка: рокер оказался смелым парнем. Он сбивает с ног одного из бритоголовых. Другой бритоголовый вытаскивает из кармана пистолет, заряженный холостыми, и выстреливает рокеру в ухо.

Никто не слышит выстрела из-за грохота шутих. У рокера из уха хлещет кровь, он катается по земле, пьяные бритоголовые пляшут вокруг него и пинают парня ногами. Они выкрикивают: «Зиг! Зиг!»

Под экраном уже собралось тысяч пять зрителей. Германская команда идет в нападение, и поэтому взводы бритоголовых одновременно выбрасывают вверх руки и орут: «Зиг! Зиг!» Зрелище впечатляющее. Уже пять сотен юных воинов репетируют военный парад.

Тут присутствует несколько западных фотографов, они пытаются сделать снимки. Но бритоголовым не хочется «светиться». Они налетают на фотографов и разбивают их камеры о камни мостовой.

Большинство зрителей старается не обращать на них внимания. Машины полиции стоят под деревьями. Несколько сотен бритоголовых подростков, по мнению полицейских, не представляют большой опасности. Ре-

фери назначает пенальти, который пробивает германский игрок. Силуэты бритоголовых мелькают на фоне огромного экрана. Бритоголовые в восторге, они орут и размахивают руками.

После матча их шеренги устремляются на Унтер-ден-Линден, Александер-платц и Бранденбургским воротам, заполняют проезжую часть и линают автомобили. Когда же это надоедает, они приступают к настоящему делу. Бритоголовые охотятся на

иностранцев и избивают их.

Вполне логично. Юные фашисты избивают иностранцев по тем же причинам, что их прадеды убивали во время первой и второй мировых войн. Во имя германского превосходства.

На снимке: юные неонацисты бывшей ГДР.

У БОГАТЫХ СВОИ ПРОБЛЕМЫ

Кризис американских школ? О, им бы наши проблемы! Но не торопитесь с выводами. Проблемы у богатых американцев сродни нашим: на школы не хватает средств.

Например, каждую весну учителя Грегори Горбача увольняют. Он преподает физику в 10 классе в школе Фолсом под Сакраменто, в Калифорнии. Его считают очень хорошим учителем, но тем не менее увольняют. Просто потому, что его предмет убирают из расписания из-за нехватки средств в школьной казне. Но проходит лето, начинается новый финансовый год, и на предмет, который ведет Горбач, находят средства (до весны), и учителя снова нанимают.

Но это не все. В последние восемь лет ему часто приходилось вести уроки, не имея никаких учебников. Самые необходимые он покупал на собственные деньги. «Если мне нужно провести контрольную работу, — рассказывает учитель, — я покупаю бумагу для всех ребят». На учебный год ему отпустили 2 тысячи листов бумаги. И это на все классы. Легко подсчитать, много ли это. Если бы каждый ученик тратил по листку в день, годовой фонд был бы израсходован в

три недели.

Многим школам приходится отказываться от уроков иностранного языка, рисования, пения или даже спорта. Число классов сокращается, а число учеников в них растет. И эти тенденции усиливаются.

Молочная компания в Брокто-не, штат Массачусетс, пригрозила, что прекратит поставки молока в школы, если им не уплатят долг в два с половиной миллиона долларов. В Сентрал-Фолс под угрозой сокращения оказалось 100 учителей из 200. Есть предложения сократить компьютерные программы, предлагается даже робин-гудовский вариант: отобрать деньги у богатых школ и передать их бедным.

Местные власти пробовали организовать референдумы о введении дополнительного налога на образование, но безуспешно: американцы и так обложены высокими налогами на всех уровнях. Срабатывает пессимистический взгляд на школу: в ней видят некую черную дыру, где без всякого результата исчезают огромные суммы денег. Да, плохая подготовленность американских школьников уже давно стала притчей во языцех. «Прежде чем вкладывать деньги, нам не мешало бы понять, почему, вкладывая в образование в три раза больше других, мы получаем такие мизерные результаты?» — говорит помощник президента Буша Чарльз Нолб.

На снимке: таких уроков труда в школе Боулдер-Хилл больше не будет. Нет средств.

ВНИМАНИЕ

приславших заявки и желающих приобрести книги Общества по изучению тайн и загадок Земли!

В июле — сентябре вышли в свет книги:

- В.Щербанов., Все об Атлантиде., 224 с., цена 6 р.90 к.
- «Тайное... забытое... невероятное», сб., 208 с., подписная цена 7 р.10 к.
- «Книга тайн», сб., 304 с., подписная цена 7 р. 90 к.
- А.Горбовский., Иные миры., 240 с., цена 7 р. 50 н.
- С.Алексеев., Игры спиритов., 96 с., цена 3 р. 50 н.
- «Серебро и золото и камни (о кладках найденных и найденных)», сб., 240 с., цена 7 р. 30 н.
- «Крик мамонта», сб., 240 с., цена 7 р. 40 н.
- А.Горбовский., Тайная власть, незримая сила (нолдуны, энстрасенсы, целители), 224 с., цена 7 р. 35 н.
- Д.Баянов., Леший по прозвищу «Обезьяна», 128 с., цена 5 р. 15 н.

Все книги имеют великолепный иллюстративный материал, цветные мягкие обложки, формат книги 84 x 108 1/32.

Для приобретения книг необходимо срочно уточнить названия и количество выбранных вами работ, ваш почтовый адрес, а также перечислить (по возможности телеграфом) на расчетный счет 700112 в Русском банке, нор. счет 161764 в ГУ Центрального банка РСФСР, МФО 201791 стоимость этих книг плюс два рубля за пересылку и налог с продажи для каждого экземпляра. Письмо и квитанцию об оплате (для граждан) или копию платежного поручения (для организаций) отправляйте по адресу: 123317, Москва, а/я 4.

Книги будут высланы вам в течение месяца в порядке получения квитанций об оплате.

Розничную продажу книг Общество не производит и появление их в свободной продаже не гарантирует. Спешите! Тираж книг ограничен. Рисните! И вы станете обладателями уникального собрания свидетельств об имевших место событиях, которые выходят за рамки наших представлений о мире.

Смотрите:

Война началась год назад. Минимальное число человеческих жертв. Суперпревосходство американских самолетов, ракет и авианосцев поставило Саддама Хусейна на колени! Международные военные силы в кратчайшие сроки добились победы над иракскими оккупантами Кувейта... Увы, человечество так и не поумнело за все эти кровопролитные десятилетия, столетия, тысячелетия. Мы научились воевать на сверхзвуковых скоростях, используя компьютеры и спутники. Мы научились воевать, но до сих пор не научились не воевать. Опять война. Земля, расцарапанная колючей проволокой, небо, съеденное дымом горячей нефти, море, умершее в черном, липком саване. Все это можно обозначить емким термином — экологическая катастрофа. Очевидно, от ее последствий Кувейту долго не оправиться. Но если обойтись без терминов, что мешает человеку стать чуть умнее собственных машин, которым все равно, сгорит или нет вся планета, как кувейтская нефть?

А

еду в Париж. Никогда не думал, что смогу сказать про себя эту простую фразу, но вот, — смог. У меня в Париже появился друг. Сначала он приезжал сюда, а потом пришло приглашение. То, что было между приглашением и отъездом, неинтересно вспоминать, — выехавшие знают, а тем, кому предстоит, лучше и не знать заранее. Короче, свершилось: распахнулись ворота запретной зоны, прыгнул в небо полосатый шлагбаум, и я, простой советский аспирант, 28 лет от роду, беспартийный, бородатый, женатый, оказался ТАМ.

Париж! «Как много в этом звуке» — лезет в голову несчастный плагиат. Я вышел из здания Лионского вокзала, посмотрел направо, налево и понял — вот он, Париж.

Я прожил там целый месяц. Я обошел его весь пешком, ведь сам Париж — город небольшой, примерно Москва в пределах Садового кольца. Я очень быстро привык к нему, к набережным, к бистро, к магнитным жетонам телефонов-автоматов, к разноязыкой веселой толпе, текущей по бульварам, к ажурному силуэту Эйфелевой башни. Утром я вставал, подходил к окну и смотрел на собор Сакре-Кер, построенный на месте батареи, с которой началась Парижская коммуна. Здесь, на Монмартре, что теперь считается арабским кварталом, говорят, ночью ходить небезопасно. Не знаю, я ходил и днем и ночью по этому городу, смотрел на него во все глаза, дышал его воздухом и даже говорил с его людьми по-французски, как Ален Делон. Ну, почти так.

Кинчев на пластинке пел «Красное на черном». Дом напротив закрывал весь пейзаж, это был обычный кирпичный трехэтажный дом начала века, с незатейливыми карнизами и цветами в ящиках на балконах, и, глядя на него, без особого напряжения можно было представить себя в Риге, Вильнюсе или Питере, к тому же еще и Кинчев. Это было на пацифистской радиостанции «Либертэр».

Погасла, мигнув, зеленая лампочка, знак окончания музыкальной заставки, зажглась красная, и Андрей, прыгнув к себе микрофон, затарахтел быстро-быстро, так что я едва разобрал слова:

— Радио «Либертэр» — голос без хозяина — приветствует слушателей. В прямом эфире очередной выпуск программы «Ветер с Востока»!

Краем глаза я заметил, как улыбнулась Зденка, сидевшая у телефонов. Андрей — серб, Зденка, кажется, из Хорватии. Они уже давно в Париже. Через стеклянный фильтр эфирного аквариума и через перегородку за комнатой оператора маленькую студию было видно насквозь. Там, в дальнем конце помещения, в тесном отсеке, где по стенам расставлены стеллажи с пластинками, ребята пили кофе, лох-

Я ПРИЕХАЛ В ПАРИЖ И РАСПЛАКАЛСЯ

Николай БАРСУКОВ

матый парень по имени Эрик рассказывал что-то веселое, бурно жестикулируя, и они смеялись, а здесь был иной мир, их голоса сюда не доходили, только пулеметно тараторил в микрофон Андрей, и я вздрогнул, когда он произнес мое имя.

Пошли вопросы. Перестройка, перестройка, Горбачев, Литва, Ельцин, Армения, а как вы относитесь к абортам и какие духи предпочитают советские женщины?

В паузах ставили музыку — «Алису» или «ДДТ». Я откидывался на мягкую спинку стула и отхлебывал кока-колу из банки, а Андрей показывал большой палец — молодец, так держать.

— Слушай, что они все про политику? Они это в газетах прочтут, а я — вообще не политик.

— Им важно, — сказал Андрей, — что ты — просто человек оттуда. Ты — не часть нашей репрессивной машины промывания мозгов, и вашей тоже.

Ну вот, поехали: «Что будет с вашими лично доходами при переходе к рыночной экономике?»

С лохматым Эриком мы подружались. Он оказался студентом педагогического факультета, а еще он подрабатывал в лицее воспитателем. Впрочем, Эрик охарактеризовал свою работу кратко: «жоп¹ для лицеистов». Что-

то вроде классного руководителя, который назначает дежурства, заботится об организации разных мероприятий и даже записывает фамилии провинившихся в особый журнал.

— Но я не делаю ничего из того, что должен делать, — сообщил он.

— А как к этому относится администрация лицей?

Эрик усмехнулся:

— Пока никак. У них там своя перестройка, понимаешь? Конечно, если кто-то пытается баловаться с наркотиками, я реагирую, ну а всякие там личные разборки или какой-нибудь бурный роман Мустафы с Кэт — при чем здесь коп? При чем здесь власть? Я могу советовать, но они взрослые люди, сами разберутся.

Эрик — высокий пышноволосый брюнет с зелеными глазами и обворожительной, легко вспыхивающей улыбкой. Он южанин, из Прованса.

Мы разговаривали в субботу за столиком кафе на бульваре Сен-Мишель, а на понедельник в Париже намечалась общенациональная демонстрация лицеистов.

В понедельник Эрик зашел за мной

¹ Жоп — полицейский. — Здесь и далее прим. автора.

со своим другом мотоциклистом Стефаном. Точнее, заехал. Мы затракали, когда с улицы донеслись приближающиеся раскаты хондовского мотора. Потом стихло, и Стефан стал кричать, чтобы мы выглянули, потому что они с Эриком не помнят код подъезда. Мы выглянули.

Стефан совсем на Эрика не похож. Он приземистый, плотный, флегматичный, с открытым, широким, совсем славянским лицом, постоянно в желтой кожанке, карманы которой набиты всякой всячиной, от зажигалок до японских презервативов.

Они поднялись наверх, я собрался, спустился с ними. Стефан поехал ставить «хонду», а мы с Эриком отправились к месту сбора демонстрации на метро. Парижское метро мало похоже на московское. Оно очень неглубокое, зато станции чуть не через триста метров, и поезда ходят реже, и двери там не автоматические, и

обычно народу меньше, чем у нас, но не в тот день. Едва мы вошли на станцию, как я вспомнил не то что советский «час пик» — Японию, транспортные проблемы которой иногда показывают по телевизору. Вагоны до краев были переполнены веселой, возбужденной, пестрой, зубоскалящей, но при этом вежливой и предупредительной молодежью.

— Все туда же, — сказал Эрик, — на площадь Бастилии.

Общенациональная демонстрация лицестов, как объяснили мне ребята, готовится в связи с критическим положением, сложившимся в лицеях — среднем, промежуточном между школой и вузами, звене французской системы образования. «Классы переполнены, преподавателей не хватает. Чтобы решить пустячную проблему, надо достучаться до чиновника в министерстве, а тот заявляет — нет денег! Понимаешь? И

еще хотят повысить плату за обучение! И главное — на образование, судя по газетам, грохают едва ли не столько, сколько на оборону, а куда все уходит? Бюрократия у нас еще та, понимаешь? Эрик, переведи ему: «Бюрократия у нас — это мафия».

Выбрались из метро. В центре площади — бронзовая колонна, памятник героям какой-то из революций, а кругом клубилась тусовка тысяч на сто. Эрик стал таскать меня по знакомым, а знакомых у него оказалось полплощади.

Демонстрация в Париже началась как кульминация выступлений, уже прокатившихся по всей стране. В столицу съехались тысячи лицестов, студентов, преподавателей, благо территория и транспорт Франции позволяют пораньше проснуться в Марселе, а отобедать уже на берегах Сены. Многие были здесь уже с субботы, их разместили в парижских лицеях. Подготовкой к акции руководил Координационный комитет, состоявший, рассказывали мне, из 15–16-летних ребят. Комитет договорился с властями о маршруте через весь город — на левый берег Сены, по бульварам, снова на правый берег по мосту Альма, названному в честь крымской речки — места сражения русских с англичанами и французами в прошлом веке, и завершение мероприятия на площади Шарля де Голля, в самом архибуржуазном районе.

Наконец, на площади развернули лозунги, приладили плакаты, и разноцветная масса демонстрантов стала неторопливо втекать в узкую горловину улицы. Людей уже было го-

раздо больше, чем когда мы пришли. «Наверное, полмиллиона сегодня будет», — сказал догнавший нас Стефан.

Над колонной царил полный плюрализм знамен: от красных коммунистических до черных анархистских, но, впрочем, демонстрация была «ничья», неполитическая, и революционные стяги терялись в многоцветье плакатов. Лозунги были более единообразны и на все лады повторяли требования лицестов к правительству: «Деньги для лицеев!»

В окнах многих контор по пути вывешены профсоюзные плакаты поддержки. В городе — никакой чрезвычайности, работают кафе, магазины, вдоль улицы припаркованы автомобили, прохожие улыбаются, показывают «викторию». Обычное дело — демонстрация, вечно молодежь чего-то хочет, вечно молодежь не в ладах с властью, обычное дело.

Несмотря на то, что не ощущалось никакого напряжения, скоро я заметил: в колонне приняты свои меры безопасности. Ребята шли плотными группами, по классам, по лицам, то есть так, чтобы рядом с тобой были люди, которых ты знаешь, потому что могут затесаться провокаторы, объяснил мне Стефан. Чуть в стороне, по краям колонны держались крепкие парни, отличавшиеся от остальных цветастыми шейными платками. Это, сказал Стефан, скальпы. SKALP — молодежная организация, расшифровку первых букв не помню, а последние «анти Ле Пен»³. Скальпы здесь были в роли охраны и, как дипломатично мне пояснил всезнающий Стефан, «готовы действовать в случае чрезвычайных обстоятельств». Между делом выяснилось, что Эрик со Стефаном тоже относят себя к этой команде.

— У нас во Франции редкая демонстрация обходится без потасовки, — добавил Эрик. — Народ горячий, понимаешь. Но мы никогда не начинаем первыми, это не наша специальность.

... Из-за угла медленно выползали одна за другой приземистые машины ярко-зеленого цвета. Выстроившись в шеренгу во всю ширину улицы, они ползли за демонстрацией, всасывая, слизывая с асфальта фантики, разные бумажки, хрустящие оболочки от жареного картофеля — все, что оставляет за собой масса людей.

Демонстранты продвигались прогулочным шагом, и «готовности к чрезвычайным обстоятельствам» у них, по-моему, поубавилось. Розовое солнце скатилось за дома, прорываясь к нам только на перекрестках.

Колонна описывала широкую дугу по левобережью Сены.

Эрик кометой носился вдоль колонны, таская меня за собой. Не знаю, было ли там полмиллиона человек, но очень, очень много. Когда потом по телевизору крутили пленку, снятую с вертолета, очень эффектно выглядела эта людская змея, вытянувшаяся по парижским бульварам (которые, правда, вдвое-втрое уже московских проспектов). Это была добрая змея, пестрая праздничная змея, в ее жилах текла теплая кровь улыбок, рукопожатий и вспыхивавшего то и дело заразительного молодого смеха, и нигде больше в Париже я не испытывал такого чувства, как внутри этой змеи. Там я не был чужим, наблюдателем, иностранцем, хотя и говорили мне: «Русский? Из России? Перестройка—Горбачев—Ельцин!» — и предлагали сигареты, приглашали куда-то, спрашивали, а я отвечал, но это было неважно, а важно то, что я был среди них. С ними. Мы были вместе.

Эрик меня со многими знакомил, но так быстро, что я почти не запомнил имен, только лица. Лица со всех континентов в рядах парижских демонстрантов. Европейцы всех мастей, смуглые арабы, черная кожа и ослепительные зубы негров, широкоскулые китайцы. Помню очень красивую девушку-ливанку. Помню парня со свежим косым шрамом через лоб и щеку: «Повстречался с бритоголовыми». Мы вместе шли к мосту Альма.

Вдруг как ветер пронесся по колонне. Что-то случилось. Что? Витрину? Витрину разбили! В супермаркете. «Это не наши. Это хулиганы», — сказал Стефан. «Начнется теперь», — сказал высокий негр в джинсовой куртке. «Посмотрим», — сказал Стефан.

— Идиоты, — сказал Эрик. — Миллион человек делает хорошее дело, но всегда найдется десяток... Теперь фараоны не пустят нас через мост, сволочи. Как же, ведь там знаешь кто живет?

Перед мостом колонна начала тормозить. Засуетились «скальпы». Стефан извлек из внутренностей своей желтой куртки большие мотоциклетные очки, нацепил, оглянулся, похожий на водолаза, и растворился в толпе впереди. «Зачем очки?» — спросил я. «Газ, — коротко ответил Эрик. — Слушай, ты русский, ты уходи. Сейчас будут наши — как это? — внутренние дела. Уходи». И он тоже исчез. Я огляделся и понял, что вокруг уже нет никого из тех, с кем я шел. Рядом оказались мужчины постарше, наверное, профсоюз учителей. До меня донесся обрывок разговора: «Давайте, месье, постоим, пока там полиция будет выяснять отношения с молодежью».

Я тоже пробрался поближе к голове колонны и увидел все. Вечерело. Сена текла где-то внизу, сжатая каньо-

ном набережных, за рекой были характерные шеститажные парижские дома с мансардами, а на мосту стояли каэрэсовцы³. Они стояли плотными темно-синими цепями, блестели начищенные щиты и шлемы. За строем каэрэсовцев размещались гранатометчики, а в тылу высились тяжелые туши водометных броневиков. Зрелище внушительное.

Не знаю, что там вдруг произошло. На стену каэрэсовцев двинулась первая волна демонстрантов и откатила, отбитая струями водометов. Вторая волна достигла-таки первой шеренги полицейских, там началась свалка. Но ясно было, что не пробиться. Закованный в броню и пластик заслон стоял крепко. Разбили витрину — нарушили порядок, законопослушных граждан от нарушителей надлежит защищать. Было ясно: полумиллионная «кучка экстремистов» не пройдет на правый берег.

В этот момент гранатометчики дали навесный залп, над толпой стали разрываться газовые гранаты. От слезоточивого газа ощущение фантастическое: будто слезы сразу из глаз, носа, изо рта, из ушей и волосы дыбом. Не помню, как добрался до какого-то бокового переулочка, отдышался. Выглянул на площадь — события продолжают. Народ бежит врассыпную, облака газа достигли, наверное, сеульской концентрации. Смотрю — машину переворачивают. Загорелась. И еще одна. Нет, думаю, заманчиво стать участником очередной французской революции, но ведь «черемухи» при желании можно и дома нахлебаться. Я решил, что Эрик прав, и прекратил вмешательство во внутренние дела Франции.

Я пошел по вечернему Парижу к другому мосту, мне нужно было на правый берег. Уже стемнело, на домах загорались вывески и реклама. Не хотелось спускаться в метро, там очень сложные пересадки, а за Сеной я сел бы на прямую ветку. Но меня ждало разочарование. Машины по второму мосту проезжали, а для пешеходов он был закрыт. Впрочем, не для всех. Сквозь цепь каэрэсовцев свободно проскальзывали прохожие солидного буржуазного вида. Не рискуя контактировать с полицией (кожаная куртка, «маскировочные» штаны, да и глаза, наверное, еще красные после «черемухи»), я обратился к одному из них:

— Простите, почему перекрыт мост?

Он окинул меня с головы до ног оценивающим взглядом, признал иностранца.

³CRS — корпус республиканской безопасности, специальное подразделение французской полиции.

³Жан-Мари Ле Пен — лидер французских фашистов.

— Видите ли, в городе проходит демонстрация молодежи. Это меры безопасности.

— А вот вы свободно прошли, у вас есть какие-то особые документы?

— Ну что вы,— заулыбался он.— Просто опытный полицейский визуально отличает добропорядочного гражданина от экстремиста.

— Да-да,— сказал я.— А где здесь ближайшее метро?

— Это недалеко, вот туда, прямо. Рядом с Эйфелевой башней.

— Благодарю вас, месье.

— Пожалуйста.

И он зашагал прочь, высокий, солидный мужчина в пальто и шляпе.

В Париже готовились к Рождеству. На Елисейских полях рабочие в фирменных спецовках распыляли пульверизатором специальный состав, от которого на лапах елей кристаллизовался мохнатый нetaющий иней. Естественного инея здесь не бывает, пояснила Зденка. Последние дни мы шатались по городу втроем — она, я и Эрик. Они и провожали меня на Северном вокзале.

Поезд уже стоял на пути, пассажиры занимали места, а мы «курили» на перроне. Эрик курил, а мы со Зденкой смотрели, как он это делает.

Тут я узрел фигуру, движущуюся по направлению к нам, и с содроганием сердца опознал в ней случайного железнодорожного знакомого; понятия не имею, чем он в Париже занимается. Сейчас он напоминал выючного верблюда. Я понял, что обречен.

— Слушай, старик, привет, чуть не опоздал,— затараторил он еще издали.— Слушай, не в службу, а в дружбу, прихвати с собой до Москвы вот это, а? Там встретят!

«Это» было необъятных размеров, синим, как полицейская форма, чемоданом.

— Да не волнуйся,— сказал он, заметив выражение моего лица.— Вещь не тяжелая. Вот, смотри.

Он ловко распахнул синее чудовище, там оказалось такое же, но поменьше, внутри — еще одно, и так пять штук.

Эрик и Зденка расхохотались, глядя на эти манипуляции.

— Дефицит чемоданов — острейшая проблема советской экономики,— объяснил я.— Тут уж ничего не поделаешь.

И снова город поплыл за окнами вагона...

Записал Н. МУРАВИН

Эндрю РОСС

«КОМПЛОТ»

М

ри часа ночи. На деревенском поле Ивана и Марек лихорадочно рвут в темноте маковые головки, запикивая их в дешенные спортивные сумки и полиэтиленовые пакеты. Вдали на дороге показываются фары автомобиля. Ивана с Марек падает на землю и ждут, пока проедет машина. Они нервно поглядывают в сторону крестьянского дома на краю поля. Хозяин, если узнает, чем они тут занимаются, может и выстрелить из ружья. Два часа спустя, когда наступает ясное летнее утро, Ивана и Марек торопливо загружают добычу в одолженный автомобиль. Проехав 250 километров, они возвращаются в Варшаву.

«Ты выбрала не самое удачное время для разговоров. Сейчас мне некогда», — отвечает Ивана по телефону и кладет трубку. Марек пытается найти «рабочую» вену на сгибе ее правой руки и на запястье. Без успеха. Тогда он пробует сделать инъекцию в левую ногу. Тупая

игла не хочет входить. «Я сейчас заплачу», — говорит Ивана и подставляет левую руку. Опять ничего не выходит. Запах нашатыря наполняет маленькую квартирку Ивана. Последняя надежда на правую ногу. Наконец-то! «Помедленнее, помедленнее, умоляю тебя, помедленнее», — говорит Ивана, пока жидкость цвета светлого пива вытесняется из шприца и капли крови выступают на ноге. Она вытирает ладонью кровь, кротко улыбается, тихо благодарит и «отключается».

Жидкость называется «комполт», потому что по цвету она напоминает этот напиток. Наркотик, изготовленный из мака, представляет собой неочищенное сырье для героина. Он уже отправил на тот свет тысячи молодых поляков, превратив десятки тысяч других в полуживые существа с пустыми и безнадежными глазами.

Ивана проводит все дни в изготовлении «комполта» и в поисках денег на него. Она не работает. «У меня нет на это сил», — признается Ивана. Ее приятель

Марек очень плох. Наверное, он не протянет и пару лет. «У нас нет будущего», — безразлично говорит Ивана.

В Польше от 50 до 200 тысяч наркоманов (статистика всегда была слабым местом в этой стране). Цифра может показаться мизерной, скажем, по сравнению с США (только в Нью-Йорке насчитывается 600 тысяч наркоманов), если не учитывать, что еще совсем недавно наркомании в Польше вообще не было. По крайней мере, так утверждалось.

Недавнее обследование наркоманов, лечившихся в польских клиниках, показало, что 60 (возможно и 90) процентов наркоманов являются носителями вируса СПИД.

«Хочешь, сделаю себе инъекцию в шею?» 20 тысяч злотых — уличная цена за порцию «компота» среди трех сотен наркоманов, ошивающихся в Старом городе, одном из кварталов Варшавы. Они расскажут и покажут, что угодно, готовы колоться под проливным дождем в любую часть тела, в какую скажешь, лишь бы ты оплатил для них «дозу». Они даже покажут тебе свои регистрационные карточки носителей вируса СПИД.

Они представляют собой печальное и странное зрелище: гнилые зубы, распухшие губы и прячущиеся глаза. «Шизики», как их называют, заполнили центральную улицу Кракова, туристы и покупатели с опаской просачиваются сквозь их толпу. У большинства нет ни работы, ни дома. Они находят ночлег в приюте для наркоманов в церкви на берегу Вислы. «Они нуждаются в общественном сочувствии», — говорит отец Анджей, исповедующий наркоманов, — но в Польше им его не найти. Один человек мало что может. Разве что дать нескольким беднякам ночлег да произнести молитву».

Для местных жителей они — чума. «Что могут подумать иностранцы! — говорит Рената Максимович, работающая посудомойкой в кафетерии «Липка», где любят собираться наркоманы и подолгу сидеть над чашкой кофе с огромным количеством сахара. — Я все время боюсь заразиться, когда беру их пустые чашки. Очень боюсь обрезать».

Открытый в 1972 году студентом-медиком из Гданьска «компот» стал символом польских хиппи. Он был дешевле и доступнее, чем все другие наркотики, употреблявшиеся на Западе. «Компот» перешел по наследству «потерянному поколению» польской молодежи периода экономической депрессии. Модной темой панк-групп стали «рабочие вены» и «скукоженные мозги». В середине 80-х польское правительство было так напугано ростом наркомании в стране, что приступило к созданию программ по предотвращению и лечению наркомании.

«Я так устала от всего этого», — гово-

рит Тереза Вержинска-Болинска, заведующая наркологическим отделением варшавской психиатрической больницы. В тот день, когда мы ее посетили, отделение, как всегда, было переполнено, и в списке очередников значилось 60 фамилий. «Сначала они просятся сюда, но, оказавшись здесь, не желают лечиться».

Ситуация осложняется нехваткой лекарств и больничных коек. СПИД угрожает катастрофой. В варшавской больнице, где имеется отделение для таких больных, все 20 коек заняты. Все зараженные, кроме двоих, — наркоманы. Все молодые. Двадцатилетняя женщина мечется в кровати. У нее жар из-за наркотического «отходняка». Из-под простыни выбиваются ноги, они в язвах.

Каждую среду с десятком матерей собирается в комнате клиники на улице Дзиелна в старом районе Варшавы. Они разговаривают, отвечают на телефонные звонки других матерей, пытаются раздобыть одежду, жилье, деньги для тех отчаявшихся наркоманов, которые приходят сюда, видя в организации матерей свою последнюю надежду.

«Ужасно, ужасно», — причитает Ганна, маленькая женщина, каждую среду проделывающая 150 километров, чтобы приехать сюда. — У меня нет возможности найти сочувствие в своем родном городе. Там на меня смотрят как на зачумленную». Она рассказывает, что по неделям сын не появляется дома, попал в психдиспансер в Катовице, но через два дня сбежал и что так продолжается уже 6 лет, с тех пор, как ему исполнилось 19.

«Сыновья каждую из нас ограбили», — вздыхает Мария. — Мой сын сначала продал книги, альбомы, стереоаппаратуру. Потом стащил и мою одежду. Все, что можно было продать. Я не выпускаю из рук сумочку, сплю с ней ночью. Мы, матери, сами больны. Болезнь сыновей исковеркала и нашу психику».

Ивана просыпается и смотрит в телевизор. Комментатор говорит о нехватке продовольствия и об угрозе здоровью детей. Марек все еще спит, погасшая сигарета зажата между пальцев. Ивана треплет собаку и говорит, что ей придется ее выгулять. «Никуда не денешься. Приходится выгуливать три раза каждый день. Может быть, кому-то нравится гулять с собакой. Только не мне. Жаль. Очень жаль. Бессмысленная жизнь».

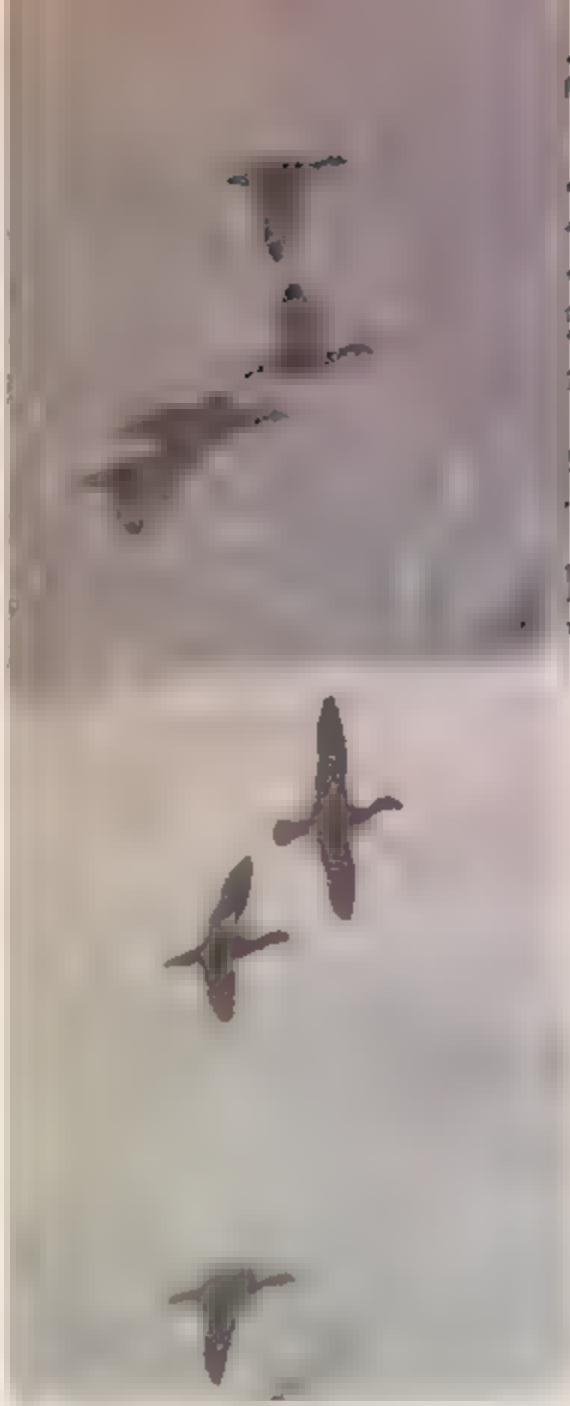
Перевел с английского
В. ВЛАДИМИРОВ

М

аленькие причины имеют иногда огромные последствия: отклонение на несколько миллиметров в траектории полета стрелы может отразиться на судьбах королевства; малейшее движение воздуха может со временем превратиться в тайфун, который разрушит страну, уничтожит ее экономику, вызовет падение правительства... И все это — случайность.

«Эйнар Тамбаршелве стоял около мачты на палубе «Большого Дракона» и натягивал лук. Ему не было равного в силе. Эйнар выстрелил, его стрела вонзилась в рулевое колесо, как раз над головой Эрика, и острие глубоко вошло в дерево. Эрик спросил, не заметил ли кто-нибудь стрелка. Но новая стрела была уже пущена; она прошла совсем близко, между рукой и телом, и вонзилась в доску, расщепив ее. Тогда Эрик сказал одному из своих людей (некоторые говорили, что имя его было Финн, другие — что он был финном по происхождению), который тоже славился своим умением стрелять из лука: «Подстрели этого парня, который стоит у мачты». Финн пустил стрелу — она вонзилась в лук Эйнара точно посередине как раз в тот момент, когда он в третий раз натягивал тетиву. Лук разлетелся пополам. Тогда король Олав спросил: «Что там за шум?» — «Ваше величество, это Норвегия выпала у тебя из рук». — «Однако это не наделало бы столько шума», — сказал король. Возьми мой лук и стреляй» — и бросил ему свой лук. Эйнар взял его, стал целиться и тут же почувствовал, что тетива слабо натянута. «Слишком слабый лук у

ПО ВОЛЕ СЛУЧАЯ

Называют ли ее удачей или стечением обстоятельств, фатальностью или судьбой, неудачей, напастью или лихом, случайность всегда нас беспокоит. Математик Айвар Экланд попытался взглянуть на этот феномен нашей жизни как на явление, с точки зрения науки, отнюдь не случайное.

Айвар Экланд,
английский математик

короля», — сказал Эйнар, схватил меч и щит и кинулся в рукопашную схватку». (Сага об Олаве Тригвессоне)

Битва при Свольдере закончилась для короля Олава поражением. После ожесточенной схватки защитники «Большого Дракона» были сломлены более многочисленным противником. Те, кто не погиб с оружием в руках, прыгнули за борт, чтобы не попасть в плен. И с ними вместе король Олав Тригвессон, тело которого так и не было найдено. Норвегия была поделена между тремя союзниками-победителями: королями Швеции и Дании и ярлом Эриком.

Случись все чуть иначе, и исход битвы был бы другим. Дважды стрела Эйнара Тамбаршелве прошла в нескольких сантиметрах от ярла Эрика. Пущенная с большой силой, она бы его не пощадила. Стрела Финна вонзилась в лук Эйнара как раз в тот момент, когда он прицеливался в третий раз — какая удача для

одного и какая неудача для другого. Если бы ярл Эрик был убит, «Большой Дракон» вырвался бы из окружения, и победа была бы на другой стороне. Олав Тригвессон отвоювал бы свое королевство, Норвегия избежала бы длинного периода смуты, который закончился приходом к власти Олава Харальдссона. Впрочем, в этом случае мы не имели бы такого шедевра, как «Сага об Олаве Святом».

Можно только удивляться, что незначительное отклонение в траектории полета стрелы может изменить судьбы людей и повлиять на участь королевства. Если эту ситуацию подвергнуть тщательному анализу, становится ясно: история повернула в новое русло из-за отклонения в десятые доли миллиметра вправо или влево в положении стрелы и разницы в десятые доли секунды в момент выстрела.

Паскаль отмечал, что самые серьезные

Ровесник 9'91

события часто случаются благодаря совершенно незначительным фактам. «Нос Клеопатры. будь он чуть короче, и лицо земли изменилось бы». Действительно, если флот Антония отступил в битве при Антиуме, когда победа была уже близка, то только потому, что бойцы увидели, что адмиральский корабль покидает поле брани, пустившись в погоню за галерой Клеопатры, которая решила выйти из этого кровопролитного сражения. Так ли уж сильно изменилась бы Римская империя, если бы вместо Августа ею правил Антоний? Это спорный вопрос. Но тем не менее можно сказать, что интеллектуальный расцвет, которым была отмечена эпоха правления Августа, тесно связан с его именем и с именем его друга Мецената, и что, не случись этого инцидента в ходе сражения, у нас не было бы ни Вергилия, ни Горация, ни многих других великих людей, которые так глубоко повлияли на нашу цивилизацию.

Когда-то давно я прочел научно-фантастический рассказ, ни названия, ни автора которого я сейчас не помню. Речь в нем идет об одном профессоре-физике, прозябающем в третьеразрядной лаборатории. Он недоволен своей судьбой и, хотя это ему как ученому претит, обращается к прорицателю. Тот устраивает ему настоящий допрос и в конце концов объявляет ученому, что все его неприятности закончатся, когда тот изменит одну букву в своей фамилии. А речь шла о польской фамилии, трудно произносимой без специальной тренировки (дело происходит в США), так как согласных в ней намного больше, чем гласных. Можно было бы счесть разумным сменить иностранную фамилию, но речь-то как раз шла лишь о замене буквы z на s, что ничуть не делало ее более благозвучной. Стыдясь своей доверчивости, физик тем не менее предпринимает для этого нужные шаги и несколько месяцев спустя узнает, что ему предложена кафедра в престижном университете.

А получилось это из-за того, что своей незначительностью его просьба привлекла внимание полиции. Досье ученого попало в контрразведку, где возникла идея поискать его однофамильцев в Восточной Европе. В картотеке обнаруживается советский специалист по одному из очень узких разделов ядерной физики. Затем служба контрразведки обнаруживает, что все известные специалисты именно в этой области в течение года исчезли с горизонта, то есть, несомненно работают в какой-то секретной лаборатории. Так постепенно проливается свет на военные приготовления Советского Союза, и удается избежать третьей мировой войны. Не зная, что делать со скромным ученым, просьба которого положила начало всей этой операции, его удаляют из военного ведомства, где он работал, предложив ему престижный пост в университете.

Занятный сюжет, но вся соль истории — в конце. Конечно, прорицатель оказался пришельцем. Он выиграл пари, которое заключил со своим другом, до-

биться эффекта первой степени (удалось избежать уничтожения планеты) путем импульса десятой степени (изменяется одна буква в фамилии неизвестного лица). Проигравший признал свое поражение и был огорчен. И предложил другое пари, чтобы отыграться: можешь ли ты добиться уничтожения планеты путем импульса десятой степени?

И эта фантастическая история, и изречения Паскаля свидетельствуют о том, что серьезнейшие последствия происходят из незначительных изменений в нормальном развитии временного процесса.

Например, известно, что в метеорологии амплитуда атмосферных изменений удваивается каждые три дня, если ничто не мешает их развитию. Выражаясь языком математики, уравнения, которые описывают атмосферные явления, от которых зависит погода, обладают свойством, называемым в математике «экспоненциальной нестабильностью». В расчетах прогноза погоды случайности не учитываются. Если же слегка изменить изначальное условие, например, учесть такую мелочь, как бабочка хлопает крылышками или кто-то зажжет свечу, это незначительное изменение не будет иметь заметные последствия в первые мгновения или дни, и, таким образом, нельзя отличить первоначальное состояние атмосферы от измененного. Но оно имеет тенденцию к усилению с течением времени. Если эффект в экспоненциальном ритме будет удваиваться каждые три дня, то каждый месяц он будет увеличиваться в 300 раз, а каждые 2 месяца в 100 000 раз и, следовательно, каждый год — в 10^{30} раз. Эта колоссальная цифра означает, что трепетание крылышек бабочки или пламя свечи может стать причиной циклона.

Это, конечно, совсем не означает, что нужно бояться бабочек. Скорее всего, легкое дуновение, созданное бабочкой, растворится в мириадах других дуновений, которые имеют место в атмосфере каждое мгновение. Но иногда колебания воздуха все же накладываются одно на другое и вовлекают атмосферу в сложный эволюционный процесс, который когда-нибудь закончится каким-нибудь стихийным бедствием.

Заметим в заключение, что все эти феномены зависят от масштаба. Никакие расчеты не будут настолько точны, чтобы определить, будет ли в Париже идти дождь в это же время через год. Если же масштаб меньше, этой проблемы не существует: можно более или менее правильно предсказать погоду на завтра, и уж совсем элементарно сказать, какая погода будет через час.

Однако почему в масштабе тысячелетий следует рассчитывать на закономерность, которая не соблюдается в продолжение дня или года? Зачем с таким упорством усматривать закономерность там, где ее явно нет, и постоянно стремиться объяснять отклонения от нормы, которая существует только в нашем воображении? Не пора ли осознать, что изменения и неожиданности, вероятно, и являются нормой. И не только в природе.

Перевела Т. МЕДВЕДЕВА

ВАЛЕНТИНО

П

ринцесса Салима Хан выпотрошила свои шкафы и отправила по почте 60 платьев. Ей, как и остальным своим постоянным клиенткам, позвонил сам Валентино и попросил прислать ему платья, сшитые по его эскизам и купленные у него. На зов модельера откликнулись дочери арабских шейхов и жены нефтяных королей из Техаса. Одри Хепберн рассталась со своим, купленным в 1969 году, расшитым жемчугом белым вечерним платьем.

Некая Ингеборг Касьягуерра пожертвовала свой длинный до полу вечерний туалет, украшенный переливающимися камнями и блестками и такой тяжелый, что отправка его по почте обошлась недешево. Говорят, что на праздновании своего дня рождения госпожа Касьягуерра так измучилась в тяжелом сверкающем одеянии, что через некоторое время была вынуждена сменить его на более легкое.

Для выставки, посвященной 30-летию существования своего Дома моды, состоявшейся на Елисейских полях в Париже, Валентино удалось собрать около 200 оригиналов своих творений в стиле «от кутюр». Эти оригиналы оцениваются по меньшей мере в два миллиона марок.

На некотором отдалении от хранилищ бывших в употреблении драгоценных одежд находятся комнаты, где в страшной спешке готовится новая коллекция Валентино для следующего сезона, состоящая из 111 моделей по баснословно высокой цене. И, разумеется, найдутся покупательницы на них, и расходы на их изготовление окупятся. Большого дохода они, правда, не принесут. Дело в том, что из 13 миллионов прибыли от одежды в стиле «от кутюр» (две коллекции в год), приблизительно 7,5 миллиона уйдут на оплату труда 165 портних, 1,3 на приобретение тканей и 1,2 миллиона на оплату помещений, налогов, страховки и на организацию демонстраций моделей в Париже.

Одежда в стиле «от кутюр», приносящая всемирную славу Дому Валентино, всего лишь смазочное масло в механизме гигантского колеса предприятия, которое за прошедшие 30 лет создал Валентино со своим компаньоном Джанкарло Джиаметти.оборот дела, представляющего собой творения Валентино от нижнего белья для мужчин и женщин до оправы очков, составляет в год 800 миллионов марок. Для 58-летнего Валентино Гаравани «от кутюр» — смысл его профессии и возможность сладострастно и безрассудно тратить деньги.

Все здесь — полный разгул, пиршество моды. Простой смертный ни-

Вибке БРУНС,
немецкая журналистка

когда не сможет иметь одежду из таких тканей, никогда ни на минутку не подержит в руках такие изумительные вышивки. Валентино придумывает фантастически красивые вечерние туалеты из кружев «органди», украшенные нежнейшим гагачьим пухом, создает из блесков сверкающие ткани, которые заменяют надоевшие всем меха. Кропотливая, точная до миллиметра ручная работа превращает в одежду куски невесомого кашмира, струящегося шелка и воздушного шифона.

Действительно, все здесь шьется вручную. Нигде в мастерских Дома Валентино, расположившегося в старинном дворце у Испанской лестницы в Риме, вы не найдете ни одной швейной машинки. Вместо этого там целое войско итальянских тетушек в белых халатах, которые своими ловкими быстрыми пальцами шьют, подшивают, обметывают драгоценные ткани, подолгу старательно разглаживают на специальных досках мельчайшие складочки. Пять-шесть портних работают под руководством главной мастерицы, которая претворяет смелую творческую фантазию Валентино в жизнь, в конкретные выкройки, а его едва обозначенные в набросках замыслы — в реальные выточки и драпировки.

В обстановке деятельного старания и усердия Валентино — само спокойствие. И после нескольких часов сосредоточенной работы он безупречно выглядит в своем костюме из льняной ткани. Одну за другой он вызывает к себе тонких как спицы манекенщиц для первой и единственной примерки туалетов на «живом объекте».

Если сейчас что-то будет не так, как надо, это катастрофа: уже на следующей неделе в Париже состоится демонстрация моделей, куда приглашены 600 гостей. В большинстве своем это дамы — журналистки из модных журналов всего мира, а также представители известных дорогих магазинов для элиты, таких, как Ниман Маркус, Сакс Пятая Авеню

или Бергдорф Гудман, всегда имеющих в продаже одежды от Валентино. Ожидают и несколько частных покупательниц, правда, их немного. В это время года дамы обыкновенно отдыхают на курортах.

Ну, разумеется, все оказывается в порядке. Кроме того, пожалуй, что Бринья, манекенщица из Исландии, не влезает в узкие, как карандаши, платья, потому что за последние месяцы она, все еще худая, поправилась на целых пять килограммов. Валентино с трудом сдерживается: «Не будет ли мисс так любезна и не сообщит ли своему агентству, что если она и впредь намерена кушать в свое удовольствие, то с ней придется расстаться». За одну ночь пять платьев должны быть распороты и перешиты с учетом новых размеров несчастной гурманки.

Валентино не потерпит ни единой морщинки, даже для короткой «проходки» манекенщицы по подиуму ни малейшей небрежности. «И полсантиметра влияют на пропорцию одежды, а неточность и приближенность — самый большой грех в моде», — говорит Валентино.

Всеу этому он научился в Париже, куда приехал семнадцатилетним, сдав последние экзамены в школе. До этого он несколько лет изрисовывал поля школьных учебников набросками моделей. Его зажиточные родители, бывшие без ума от сына, дали ему на дорогу в Париж вместе со своим благословением чек на весьма приличную сумму.

Девять лет спустя, после учебы у знаменитых французских модельеров Жана Дессе и Ги Лароша, он вернулся домой, и родительская вера в него, а также их деньги дали ему возможность открыть собственный салон «от кутюр» в Риме. Папа и мама его пожили достаточно долго, чтобы насладиться результатами и успехами от своих вложений. Все окупилось: и то, что они верили мечтам

своего сына о покорении мира моды как в предначертание свыше, и то, что они никогда не отказывали своему единственному сыночку в средствах на приобретение дорогой одежды и красивых вещей, которыми он себя окружал.

Вскоре «высший свет» во всем мире был одет в одежду от Валентино. Жаклин Кеннеди в платье Валентино выходила замуж за господина Онассиса, облаченного в костюм от Валентино. Шахиня Фарах покидала Иран, одетая во все от Валентино. Титулованные и сановные особы, признав и по достоинству оценив галант и сверхутонченный вкус модельера, наперебой приглашали его в гости и с превеликим удовольствием принимали его приглашения, толкаясь среди многочисленных гостей (разумеется, с ног до головы от Валентино!) на приемах, которые тот устраивал в Париже и Нью-Йорке.

Одежда, созданная им, — всегда настоящее зрелище, а женщины, одевающиеся у Валентино, необычайно изысканны и в одежде, и в манерах.

Как и сам Валентино. Его дом на Виа Аппия на подъезде к Риму — просто дворец, стены которого затянуты шелком и бархатом и украшены оригиналами картин известных художников. Там хранятся коллекции старинного китайского фарфора, а мраморные полы покрыты драгоценными коврами. Покои этого дворца слуги опрыскивают туалетной водой «Амбр». Возможно ли представить себе, что в таком дворце владелец его усядется перед телевизором, жуя кусок пиццы?

Похожие резиденции есть у Валентино и на острове Капри, и на швейцарском курорте Гштаад, а также квартиры в Лондоне и Нью-Йорке. А еще у него есть такая яхта, которая выделяется даже среди подобных, стоящих в гавани Монако. Сравнительно недавно Валентино для поддержания формы стал совершать утренние прогулки на лошадях. Его любимый мопс по кличке Оливер путешествует исключительно первым классом, гордо восседая в кресле рядом со своим хозяином. Кстати, мордочка Оливера в виде очаровательной эмблемки украшает всю коллекцию одежды для молодежи, пользующуюся большим успехом. Все это Валентино может позволить себе, потому что только ему да его компаньону Джанкарло Джаметти принадлежит их империя моды.

Манерность — вторая натура Валентино. С благоговением описывают биографы Валентино, как он приказывает украшать свои дома и квартиры букетами свежих роз даже в его отсутствие, чтобы они казались жилыми. Как ни странно, такая претенциозность уживается в Валентино

с почти прусской дисциплиной и работоспособностью, с его профессиональным совершенством и строжайшей организацией труда.

В мире моды Валентино стоит как скала. Конкуренты его не волнуют. Он не читает ни одного журнала, занимающегося вопросами моды. Его пресс-служба отмечает желтыми наклеечками лишь те страницы в журналах, где упоминается имя их патрона. Только это он и удивляет своим вниманием. Валентино не стремится быть модным или следовать за модой. Он — сама мода, и он — вне времени. Известная итальянская актриса Орнелла Мутти может позволить себе появиться на гала-концерте или на торжественном приеме в Риме в платье от Валентино, сшитом 20 лет назад, которое и сегодня производит такой же фурор, как и тогда. Сегодня Валентино вносит в свои новые модели элементы платьев времен юности Жаклин Кеннеди.

Парижская публика награждает гения моды бурными аплодисментами, и он принимает их с вежливой благодарностью. И когда после успешной презентации его сотрудники, большинство из которых проработало с Валентино 10 и более лет, падают друг другу в объятия в восторге и изнеможении, в голове у Валентино уже зарождается новая коллекция. Он не позволяет себе ни вздохов облегчения, ни ликования и триумфа по поводу очередного успеха, еще одного подтверждения своего таланта.

Он совершенно спокоен и на следующее после победы утро. В его салоне на авеню де Монтень все строго и со вкусом, никакой бьющей в глаза роскоши. Нет ни шампанского, ни икры, как это бывает в таких случаях в заведениях рангом пониже. Как в самом обыкновенном магазине висят на вешалках его творения, каждое из которых между тем стоит не меньше 10 тысяч долларов.

Но вот появляются дамы-покупательницы. Послушно сидят они на диванчике, ожидая, когда освободится одна из трех продавщиц-консультантов, в течение многих лет постоянно опекающих клиенток Валентино. Клиенток с весьма громкими именами. Дамы находятся здесь в своем, так сказать, «кругу», все друг друга знают, все обмениваются поцелуями, все советуются, шебечат, как девочки-подростки при покупке джинсов.

Ну и, естественно, что-то покупают. За первый день продано 41 платье общей стоимостью в полмиллиона долларов. Маленькие дневные платья — чудо творчества Валентино в области портняжного искусства — остались висеть на вешалках. Без внимания остались и костюмчи-

хи с совсем узкими пиджачками без подложенных плечей.

Но если придется заказать какую-то вещь, работа будет выполнена без многочисленных примерок. Для этого на манекенах, стоящих в мастерской Валентино, с помощью ваты и бинтов будет создана фигура, полностью соответствующая фигуре клиентки. Ну, а для последней примерки консультанту и портнихе не трудно будет и стелать в Нью-Йорк или Дубай. Дорогая вещь окончательно подгоняется на месте. Даже о чистке одежды позаботились. Тот, кто не доверяет городским химчисткам, которые, как правило, содержат китайцы, отправляют платья в Рим.

Особый спрос на вечерние платья. Но вот уже в самые первые часы замаячил кошмар «двойников». Потому что «от кутюр» уже давно не тот вариант, когда для отдельной покупательницы шьется платье в одном экземпляре, а гений-модельер — не домашний портной, изготавливающий для мадам уникальный туалет. Все, что здесь висит, — всего лишь образцы. Клиентка может выбрать себе модель, которая ей нравится, и заказать себе нечто подобное.

Торговля на Авеню де Монтень в разгаре. Горе тому, кто опоздает, как это случилось с одной богатой дамой из Нью-Йорка: консультант предупреждает — точно такие платья, какое выбрала и она, уже успели купить две другие клиентки из Нью-Йорка за 29 тысяч долларов. Огорченная леди вынуждена отказаться.

Не более 200 женщин во всем мире могут позволить себе сегодня эту роскошь: покупать изделия в стиле «от кутюр». Узок их круг, и пути их неизбежно перекрещиваются. Наконец, дама находит себе что-то и утешается. Вот кто-то покупает себе сразу 14 платьев. При таких закупках и сервис особы. Можно поменять длину юбки или выбрать другой цвет. Тому, кому кажется, что слишком много перьев и бантов, и кто хочет, чтобы за счет простоты отделки «заиграло» свое украшение в виде ожерелья или броши, безоговорочно идут навстречу.

Валентино обходится весьма бойко со своими творениями. Оригиналы фотографируются, на них заводится документация. В ближайшее время фотографии новых туалетов появятся во всех журналах и газетах и станут содержанием для рекламы на следующие полгода. Теперь дело за торговлей.

Перевела с немецкого
С. КАВТАРАДЗЕ

Любое произведение требует производителя, то есть ремесленника, знатока в узкой области — для одних это форма, цвет; для других — слова, буквы. Это долгий, изнурительный труд, высасывающий из человека жизненные силы. Недаром многие творцы умирают молодыми. Для Рафаэля, Моцарта, Шуберта смертный час наступил, когда им было примерно по тридцать, для Бальзака, Фомы Аквинского — в сорок лет. Но не было в истории творчества гениев слабых или меланхолических. Сомневающиеся, да, были, но болезненно сомневающиеся — нет. А вернее так: если предположить, что ремесленник начинает творить в слабости, то его произведение, постепенно разрастаясь, служит ему поддержкой и придает силы. Творчество живет в силе, откуда и сила творчества. Таким образом они сплетаются в спираль, постоянно поднимающуюся вверх. То, что называют бессмертием шедевра, таится

магии, моду, условности. Все в массе говорят всегда одно и то же, и, таким образом, увлекая друг друга, все вместе катятся вниз. Произведения искусства — плошина на пути этого падения. Победа над смертью и есть жизнь, а жизнь бывает только у каждого своя. Особенная. Оригинальная. Одинокая. Упрямая. Творчество само по себе — это живое существо, это дерево, плоды которого — книги, музыка, фильмы, стихи. Коллективная банальность здесь невозможна.

Цель образования — это конец образования и начало созидания. Созидание — единственное действительно интеллектуальное действие, единственный продукт ума. Остальное? Плагиат, обман, повторение, лень, условность, сон. Только открытие пробуждает. Только создание нового доказывает, что вы думаете то, что вы действительно думаете, чем бы это ни было. Я думаю, значит — я создаю, я создаю, значит — я думаю. Единственное доказательство того, что уче-

Мишель СЕРР,
французский журналист

ВСЕМУ ОСТАЛЬНОМУ — НЕ ВЕРЬТЕ

просто-напросто в витках этой спирали, которые, всегда возвращаясь к началу, расширяются и продвигаются вперед, похожие на гигантскую воронку или на галактику.

Итак, существует определенная гигиена, или, скажем, диета творчества. Спортсмены живут, как монахи, то же самое касается творцов. Вы хотите творить? Начните с зарядки, регулярного семичасового сна и правильного режима питания. Суровая жизнь и требовательная дисциплина. Строгость и воздержание. Не верьте тем, кто утверждает обратное. Все, что расслабляет, делает творца бесполезным. Сопровитесь не только наркотикам химическим, но и наркотикам социальным, куда более опасным. Я имею в виду средства массовой инфор-

мации, моду, условности. Все в массе говорят всегда одно и то же, и, таким образом, увлекая друг друга, все вместе катятся вниз. Произведения искусства — плошина на пути этого падения. Победа над смертью и есть жизнь, а жизнь бывает только у каждого своя. Особенная. Оригинальная. Одинокая. Упрямая. Творчество само по себе — это живое существо, это дерево, плоды которого — книги, музыка, фильмы, стихи. Коллективная банальность здесь невозможна.

Цель образования — это конец образования и начало созидания. Созидание — единственное действительно интеллектуальное действие, единственный продукт ума. Остальное? Плагиат, обман, повторение, лень, условность, сон. Только открытие пробуждает. Только создание нового доказывает, что вы думаете то, что вы действительно думаете, чем бы это ни было. Я думаю, значит — я создаю, я создаю, значит — я думаю. Единственное доказательство того, что уче-

ный работает, а писатель пишет. А иначе для чего же работать, для чего же писать? В других случаях люди дремлют или барахтаются и худо-бедно готовятся к смерти. Повторяют друг друга. Только дыхание творчества вселяет жизнь. Тот, кто не создает, работает вне интеллекта, как животное, работает на небытие.

Учреждения культуры, живущие инструкциями, громады университетов, газет и издательств — все они окружают себя хитрыми уловками, которые за-

трудно определить разницу между произведением искусства и предметом роскоши. Последний, например, стоит очень дорого, когда он в моде. Но несколько лет спустя его с трудом можно перепродать за бесценок. С другой стороны, картины Ван Гога и Гогена не спасли их авторов от жуткой нищеты, а с тех пор сотни паразитов вырывают их друг у друга за огромные деньги.

Творчество — это другой мир, не тот, в котором мы живем, — Земля и звезды вращаются там в обратном направлении. Мольер молодеет каждый день, потому что мои внуки смеются над героями его пьес. Только сопротивляться недостаточно. Не существует такого моста, который не был бы снесен ледоходом, ни такой девственницы, которая не уступила бы особо симпатичному фавну.

Если вы хотите творить, любите. родники, фонтаны, драгоценные камни, высокие вершины гор, луковую шелуху, листья артишока, взгляд тюленя, зародышевые клетки, детей, все они напичканы информацией так туго, что вот-вот лопнут. Избегайте дырявых корзин, из которых эта информация высыпается: газеты, новости, слухи. Никого не слушайте. Не верьте течению, влияниям, наградам. Это единственный способ высвободить настоящее, которое характерно как раз тем, что в нем происходит редкая волшебная встреча творчества и скрытых живительных сил, которые обуславливают творчество, но которые только творчество может высвободить.

Перевела с французского
Вера СТАРОВОЙТОВА

М

«McDuck» («Мандан»), группа «Утенон Мак» образовалась в 1985 г. в США.

Состав: Рей Манкашоу, вои., гит.; Колонел Джанерал, вок., клав.; Саб Марин, вок., бас; Синди Уинди, вои., сакс., скрипка, Атомик (наст. имя Джир Иноус), уд.

«М.» была создана как студийная группа для записи детских Рождественских песенок. Успех первой же пл. («Джингл белла») был настолько ошеломляющим (из-за того, что критики не определились, в какой из чартсов отнести ее, диск так и не попал в хит-парады), что участникам уже в том же году удалось открыть свою студию звукозаписи. Неподражаемые «мультипликационные» голоса Рея Манкашоу и Синди Уинди в 1989 г. были признаны «золотыми», а в 90-м — «платиновыми».

Феномен «М.» теперь многие критики объясняют упрощением взглядов американцев на окружающую действительность до уровня «мультипликационности». Группу не раз приглашали на новогодние праздники для детей в Белом доме. С 1987 г. «М.» ежегодно поют на главной елке страны.

Пл.: Jingle Bells, 1985; Happy New Yearder 1986, Christmas Two, 1988 (2 LP), Christmas One, 1989, Christmas Zero, 1990 (3 LP), Merry First Of May, 1991.

«McKARONI». Группа «МанКарони» образовалась в 1978 г. в Швейцарии.

Творчество этого интернационального состава настолько необычно и нурьезно, что его сложно классифицировать не только в рамках стилистики рок-музыки, но и как чисто музыкальное искусство вообще.

Эта группа с ирландско-итальянским названием образовалась в Швейцарии. Ее крестным отцом и руководителем стал семидесятилетний Карл Уанмах, профессор Сен-Галльской психиатрической лечебницы, в прошлом известный концертирующий пианист. Уанмах успешно применял в своей практике метод «музыкальной терапии», что натолкнуло его на мысль собрать под одной крышей находившихся в лечебницах Европы музыкантов и попытаться организовать оркестр. Из тридцати с лишним человек, в первый год игравших в «М.» (потому мы и не приводим исходный состав), в дальнейшем остались только трое — Кен О'Рилли, уд.; Пампахурдия Сантуш, экзотические муз. инструменты, и З. Бен Дер Гур, гит. В настоящее время эти музыканты работают с сейшменами.

«М.» играет в стиле, который критики окрестили «терапевтическим технороком», однако, в отличие от других техногрупп, успешно обходится без студийных фонограмм — главным образом благодаря огромному составу музыкантов. «М.» предпочитают выступать в парках больниц, а неизменные белые халаты участников подчеркивают благородную миссию группы.

В 1985 г. Всемирная организация здравоохранения запретила деятельность «М.» (в том числе и студийную), усмотрев в этом нарушение Всеобщей декларации прав больных и неполноценных людей, в частности пункта, запрещающего эксплуатацию больных. Однако вмешательство общественности и многих авторитетных политических деятелей помогло группе продолжить свое нужное дело.

Пл.: Ra-ra-ra-ra. 1979, Bad Mint On, 1981, Heavy Mental, 1982, OK, 1983 (2LP-Lve) Roof On The Run, 1984; Garvard's Live, 1985 (Live LP)

McLAUGHLIN, JOHN. Джон Маклафлин. Родился 4 января 1942 года в Йоркшире, Великобритания. Гитарист, композитор, аранжировщик.

Дж. М. родился в семье профессиональных музыкантов, но, несмотря на это обстоятельство, учился играть на гитаре самостоятельно. Музыкальную карьеру он начал в группе Биг Пита Дэшара, исполнявшей традиционный джаз. В середине 60-х гг. Дж. М. присоединился к британскому ритм-энд-блюзовому движению и играл вначале в группе Грехам Бонда (с Джином Брюсом), чуть позже — в группе Брайана Оджера, а затем стал сейшменом в самых разных коллентивах Англии.

В 1968 г. Дж. М. эмигрировал в США, где продолжал работать сессионным музыкантом. Вскоре на талантливого гитариста обратил внимание Тони Уильямс, и Дж. М. вошел в состав его группы «LifeTime», где также играл выдающийся клавишник Ларри Янг. Спустя год гитариста пригласил сам Майлз Дэвис, и Дж. М. участвовал в записи двух его альб. — «Bitches Brew» и «In A Silent Way», что сразу же сделало его весьма заметной фигурой в мире джаз-рока.

В 1969 г. Дж. М. записал первый сольный альб. «Экстраполяция» (пл. записывалась в Англии с привлечением джазовых музыкантов), а для работы над вторым диском он пригласил известного ритм-энд-блюзового барабанщика Бадди Майлза прославившегося в группе Джими Хендрикса.

Для записи третьей сольной пл. Дж. М. пригласил студийно-

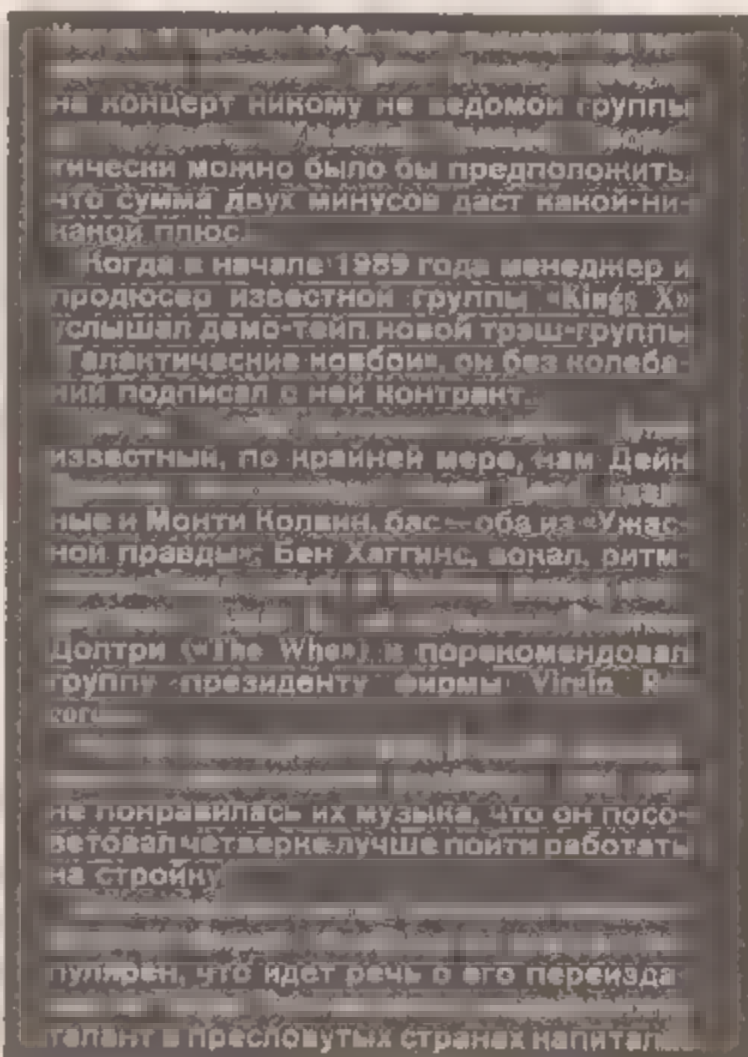
•Рок - Энциклопедия•

го барабанщика Билли Коубхама (работавшего в группе прогрессивного рока «Dreams» и с Майлзом Дэвисом) и ветерана группы «Flock» скрипача Джерри Гудмена (в записи альб. также принимал участие индийский исполнитель на табле Алла Ренха). Сразу же по выходе этого диска («My Goals Beyond» 1971) Дж. М. организовал группу «Mahavishnu Orchestra» («Оркестр Махавишну») — в названии этой арт-фьюжн группы фигурировало имя Махавишну, которое дал Дж. М. его гуру Шри Чинмой; одно время музыкант называл себя Махавишну Джион Маклафлин. В состав «М. о.», помимо Дж. М., Б. Коубхама и Дж. Гудмена, также вошли ориентированный на джаз бас-гитарист Рик Лард (он работал в группе Бадди Рича) и клавишник Джен Хаммер.

В музыкальной концепции «М. о.» явственно прослеживалось влияние Майлза Дэвиса, однако Дж. М. сумел значительно расширить рамки джазовых традиций, вводя в структуры своих композиций элементы жесткого хард-рока, мелодические приемы из арсенала восточных и индийских музыкантов, неожиданные сбиения ритма и намеренные выходы из тональности. Блистательные по композиторскому решению, безупречно аранжированные композиции «М. о.» притянули к новой группе множество поклонников, которых, кроме всего прочего, привлекала манера игры лидера «М. о.»: вне всякого сомнения, Дж. М. и по сей день остается непревзойденным гитаристом, успешно соперничать с которым может разве лишь такой необычный музыкант, как Фрэнк Заппа, а подобной филигранной техники в роке вообще больше ни у кого нет — отдельные гитаристы, возможно, и достигли скорости Дж. М., но по лиричности исполнения и оригинальности прочтения материала ему нет равных.

Появление «М. о.» стало настоящей сенсацией, отрыв в рок-музыке новую эру джаз-рока. Второй альб. группы, «Огненные птицы», имел, помимо всего прочего, и коммерческий успех, войдя в британский Топ 20. Однако трения внутри группы достигли предела и после выхода третьего альб. «М. о.» распались. Дж. М. записал диск с другим учеником Шри Чинмой, Карлосом Сантаной (ему гуру тогда присвоил имя Дэва-

РЭР вне очереди

GALACTIC COWBOYS

•Рок - Энциклопедия Ровесника•

(с группой «Mahavishnu Orchestra») The Inner Mounting Flame, 1972, Birds Of Fire, 1973, Between Nothingness And Eternity, 1973

Pl.: McMaster's Death, 1985, Keep To Fake You, 1986, General's Plot, 1987 (3LP-Live); To Spend The Night Together Does It Mean Something?, 1988, We'll Kill The Killer, 1989, He's Back, Welcome Grand, 1989, Sharky Harky, 1990, Another One From The House, 1991

GALACTIC COWBOYS

В рассказе о роке 70-х мы несколько (точнее, наполовину) отступили от принципа, положенного в основу повествования о предыдущих двух десятилетиях. Там мы приглашали вас взглянуть на времена былые с позиции дней сегодняшних: это позволяло несколько отстраниться от предмета разговора и попытаться соблюсти приличествующий рассказу об истории спокойный тон. Материал о панк-роке, родившемся в середине семидесятых, также написан сегодня. Но вот статью о том, что происходило до этого события, мы взяли прямо из тех дней, из 75-го года.

И вот почему: сама интонация, выдержанная в духе некролога (хотя автор и уверяет в обратном), очень напоминает ситуацию, сложившуюся тогда в самой рок-музыке. Да, тогда с успехом творили великие супергруппы, и музыка их становилась все мудренее, а публика — все просвещеннее. Рок все более приобретал черты большого искусства (в чем, в принципе, ничего дурного нет), он устремлялся к вершинам духа, но где-то там, на брэнной земле, произрастали новые поколения мальчигов и девочек, которым, честно говоря, хотелось, чтобы с ними по-простому поговорили об их заветном и еще вполне незатейливом. А тот высокий рок отмахивался от вопросов подростка, как обыкновенный папа, занятый серьезными вещами и потому не обращающий внимания на, казалось бы, несущественные проблемы сына-старшеклассника.

Что бывает, когда родители не обращают внимания на своих детей, известно всем. То же случилось и в рок-музыке: новое поколение выбрало панк...

РОК 70-х

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ВЕРСТОВОГО СТОЛБА

Мишель ЛАНСЕЛО,
французский писатель

В двухтомном словаре «Рок-музыка от А до Z» на букву «К» я нашел. «Кампус» — ежедневная передача французского радио, ведущий журналист и писатель Мишель Лансело. Существовала с 1967 по 1971 год. Тщательной подготовкой своих программ и непринужденной подачей материала способствовала популяризации зарубежной рок-музыки во Франции»

Спасибо за реверанс

Но, рискуя разочаровать составителей словаря, должен признаться, что, прослушав не одну тысячу дисков с этой музыкой, побывав на десятках рок-фестивалей в Америке, Голландии и во Франции, познакомившись с большинством рок-звезд, всласть наговорившись с ними, я тем не менее так и не стал специалистом вроде сыновей некоторых моих приятелей, готовых, разбудив их среди ночи, выдать вам, когда вышел тот или иной диск, или процитировать на память длиннющее имя приглашенного гитариста группы, скажем, «Королевский попугай», участвовавшего в концерте в марте 1964 года!

На эти и на многие другие аналогичные достижения я по-прежнему не способен.

Потому что мне это не интересно.

На снимке: Джими Хендрикс (слева) и Роберт Плант из группы «Лед Зеппелин»

Потому что люди, которые с серьезными лицами гуляют по празднику, выводят меня из себя. И, наконец, потому, что главный интерес феномена рока, по моему, не в этих деталях.

Чему соответствовал по времени рок-н-ролл, а позднее так называемый «авангард»? Бунтам. Бунтам, потрясающим основы общества. Давайте послушаем Алэна Дистера, автора книги «Английский рок»: «Рок, вторгшийся в жизнь общества, действует глубоко. О нем судят по его поверхностным, внешним проявлениям, по одежке, и охотно не замечают, что скрыто за этим раскрашенным фасадом: поставлены под сомнение традиционные ценности, такие, как армия, политика, религия, и

возник новый взгляд на взаимоотношения между людьми... Рок — это общество. Он — звуковой фон целого поколения, отождествляющего себя с ним».

Дистер смотрит в корень. Он, хотя и тяжеловато, но говорит о главном, о фундаментальном.

Сегодня, увы, я ощущаю, что рок-музыка ничему фундаментальному не соответствует. И уже не первый год.

Рок стал не более чем музыкой, такой же, как другие — все лучше и лучше записываемой, ибо техника не стоит на месте, все лучше и лучше подаваемой — конверты пластинок, плакаты, эффекты, дабы полностью соответствовать своей роли товара.

Сегодняшний рок питается своим прошлым. Он существует благодаря былой славе: капелла «Битлз» там, новый «гигант» Дилана тут, телепередача о Пресли, фестиваль фильмов о рок-музыке. От всего этого за версту разит тоской по прошлому.

Да, появляются новые группы, среди них можно выделить лучшие. У остальных же, играющих технически безупречно, у каждой есть свой «предок». И наплывают воспоминания, если речь не идет об откровенном плагиате: здесь кусочек из «Би Джиэ», тут намек на «Ванилла фадж», где-нибудь знаменитое соло ударных из «Чикаго» и т.д.

По части исполнения, иногда даже импровизации любая новая группа превосходит почти все, что было в прошлом. Но чего-то все-таки не хватает. Искры, настроения, мысли, может быть. Не скажу, не знаю. Но это ощущает всякий, кто был свидетелем рождения рока. Это как тревога на душе после просмотра фильма, который когда-то вам очень нравился, но слишком быстро, на ваш вкус, потускнел.

Поколение, открывшее Пресли, скажем лет в 16, теперь общается со своими детьми того же возраста. Они тоже слушают рок. Но интересной и, во всяком случае, полезной встречи поколений, для которых рок мог быть мостиком через традиционную пропасть, не получилось.

Почему?

Потому, мне кажется, что из феномена, рожденного жизнью, рок превратился в лавку экзотических товаров с витриной во всю стену. И то, что этот декаданс может завораживать слушателя, ничего не меняет в том факте, что это декаданс.

Возьмем, к примеру, «Пинк Флойд», группу, которая, как мне кажется, начала работать именно тогда, когда в рок-музыке назревал перелом.

В 1967 году, говоря об этой еще неизвестной во Франции группе, которую я открыл для себя на фестивале в Сан-Франциско, я написал: «Еще один важный момент, в этой музыке не существует артистов и слушателей в собственном смысле этого слова, и еще меньше — идолов и поклонников. Нет ни музыкального чинопочитания, ни глупого восторга. Слушатели и исполнители пытаются скорее войти на время в единый звуковой, ритмический, понятный мир».

Такого коллективного со-творчества, какое поразило меня в 1967 году, больше не существует.

Через систему купли-продажи, идеально подогнанную под конкретные экономические рамки, вернулись в жизнь все старые признаки артистического ремесла: артист — существо особое, несравненное, неоспоримое. Ему

положено платить несметно и восхищаться им безмерно. То, что он может оказаться большой дрянью — не в счет. Мы обязаны его простить, потому что наше общество безжалостно и часто просто из каприза вынуждает нас быть тем, кем нам быть не хочется, и делать то, что самим нам претит.

Нет, с этим я спорить не стану.

Не упрекаю я рок и за то, что он обуреваем коммерческими страстями. Такой поворот можно было предвидеть. Мне не нравится, что он перестал быть достаточно творческим, перестал опираться на собственные силы.

Кстати, тревожных симптомов было предостаточно.

Уже в мае 1971 года, например, решено было закрыть два концертных зала «Филмор», те самые, которые были свидетелями стольких триумфов рок-музыки. Мотив — все более бросающийся в глаза коммерческий подход рок-групп к своим выступлениям, а иногда и полный отход от духовных корней рока, «рожденного и созданного для бунта».

Я могу ошибаться. И даже быть недостаточно компетентным. И потому я как-то попросил авторов «Рок-энциклопедии» составить для меня список лучших пластинок за последние годы. Я прослушал все диски очень внимательно. И ничуть не изменил своего мнения.

Однако то, что рок-музыка как выразительница бунта, потрясающего основы общества, мертва, ничуть не мешает ей оставаться музыкой, живущей за счет инстинкта самосохранения.

Я бы даже сказал, что ее дела на рынке идут все лучше и лучше и что журналы, которые про нее пишут, крепко стоят на ногах. Тем лучше, я за нее рад. Настало время пожинать то, что было не без труда посеяно в начале семидесятых.

И все же еще не все потеряно. Рок-музыка и музыка вообще не умерла. Эта статья — не извещение о ее смерти.

Но бывают минуты, когда хочется, стоя у верстового столба, увидеть, как рождаются новые музыканты.

Перевел с французского
С. КОЗИЦКИЙ

«ДА ОТКУДА Ж ТЫ ВЗЯЛСЯ НА НАШУ ГОЛОВУ?»

Илья СТОГОВ

В 1986 году меня частенько били по уху. Прямо на улице. Ухо страдало потому, что в него была вставлена сережка. В те времена для сотрясения основ (и мозга) сережки было вполне достаточно...

Сейчас все по-другому. Однако и до сих пор добры пригородны молодцы с

разноцветным ирокезским гребнем на башке способны приковать к себе взгляд замученной магазинами тетки. И шепчет бедная тетка: «Да откуда ж ты взялся на нашу голову? — и добавляет, обзываясь. — Панк!»

А взялся он на нашу голову, как известно, из Англии. А на британскую свалился, что также известно лицам заинтересованным, из США. Очевидцы утверждают, что уже в 1974 году в Нью-Йорке наблюдались и ирокезский гребень, и варварский панк-танец «плого»: прыжки по вертикали, сопровождаемые плевками. Правда, в Америке панк не выжил — последователи его претендовали на приобщенность к «новому искусству», что, как известно, недемократично, и, несмотря на вполне демократичный способ самовыражения, панк в Америке попрыгал-попрыгал, да и скончался.

Хотя к тому времени панк уже и перебрался в Англию, панк-рока пока еще не было. Остальной же рок, завершив круг, разлагался на глазах. Свежих идей не было уже полдесятилетия: рок-н-ролл скрещивали с классикой и джазом, а также пытались вылечить необычными инструментами или необычной игрой на инструментах обычных. Если попробовать выразить настроения тех лет двумя словами, то этими словами будут «Все осточертело» — демонстрация музыкантами техники своей игры была неинтересна слушателям.

Панк-року виртуозность была чужда изначально. Как утверждал Пол Кук из «Секс пистолз»: «Пока мы учились играть на инструментах, нас абсолютно не волновало — есть ли у нашего вокалиста голос или он вообще глухонемой».

Первые панк-рокеры с криками «Эту музыку может играть каждый!» повыскакивали в Англии в 1975 году. Начали они, как уже говорилось, не на пустом месте: основы жанра были разработаны американцами. Стиль жизни — группой «Нью-Йорк доллз», манера игры — группой «Рэймонес», общий настрой — Игги Попом с его группой «Студжиз», а поведение на сцене — Лу Ридом (начинавшим в «Велвет андерграунд»); тот всю первую половину 70-х занимался тем, что орал на публику, оскорблял ее и поминутно уходил со сцены. Панк-рок мужал, но вылезти из подвалов и маленьких клубов ему не удавалось — вождя не доставало.

Историческое событие произошло 10 октября 1976 года. Терри Слейтер из фирмы EMI зашел в лондонский бар «Клуб 100» (музыкальный обозреватель Кен Текер отмечает, что «Клуб 100» был «одним из немногих, где хозяева не контролировали ни громкости звука, ни внешнего вида посетителей») — судя по фразе «одним из немногих», неформалов и в Англии не очень-то балуют). В баре выступала группа «Секс пистолз», Терри Слейтер представил, как она может выглядеть

перед большой аудиторией, и предложил контракт. К тому времени группа существовала уже год, и начало ее карьеры было многообещающим: во время выступления в лондонском колледже Св. Мартина директор благородного учебного заведения попросту вырубил электричество. Удачное начало — уже полдела. К моменту заключения контракта «Секс пистолз» были широко известны в узких кругах.

Бедный Терри Слейтер! Не знаю, есть ли в Англии понятие «строгий выговор», но если и есть, то он им явно не отделался. Уже через два месяца представитель ЕМІ заявил, что «контракт был ужасной ошибкой»: «Секс пистолз» в первом же, моментально ставшем классикой жанра, сингле «Анархия в Соединенном Королевстве» ухитрились оскорбить религиозные чувства граждан. Позже в телешоу «Тудей» вокалист Джонни Роттен выдал съездившему на его счет ведущему такой набор ругательств, что, как писала газета «Дейли миррор», в доме одного из зрителей взорвался телевизор. Контракт был расторгнут.

Следующей компанией, согласившейся работать с «Секс пистолз», была A-and-M. Музыканты записали второй сингл «Боже, храни Королеву», и на восьмой день сотрудничества коммерческий директор компании смог выдать из себя только два слова. «Я передумал». Сингл удалось пристроить только к маю 77-го, и он сразу же стал хитом № 1. Молодняк стонал от восторга — панк-рок стал модой.

Скандалы, связанные с панками, можно было найти в любой газете. То группа граждан избила на улице Кида Рида из группы «Бойз», то басист «Секс пистолз» Сид Вишес разбил гитарой голову музыкальному критику (по другим данным пострадавшим был французский фотокорреспондент), то через несколько дней на улице избили уже вокалиста группы Джонни Роттена.

В Англии, похоже, не осталось ни одной команды, устоявшей перед соблазнами панк-рока — все, от чисто коммерческих, типа «Бумтаун рэтс», до безусловно талантливых, типа «Доктор Филгуд», прилепили перед названием приставку «панк». О панках снимали фильмы, о них писали книги, они становились темой диссертаций. Но почему? Что могло нравиться в трехаккордной музыке и текстах, состоящих сплошь из ругательств да невнятного рычания? Критики соревновались в остроумии, и, надо сказать, панки давали для этого повод. Однако влетая в нос английская булавка стала символом десятилетия.

Прежде всего привлекало то, что панк был диким, злобным, но все же свежим ветром. Казалось, все уже перепробовано, впереди у музыки только повторение пройденного, и панки восхищались как последний буйный, скандальный, но честный праздник уходящего рок-н-ролла. Они были искренне готовы умереть вместе с ним под крик «Будущего нет!».

В конце 77-го «Секс пистолз» перебра-

лись в Штаты, где записали свой первый и единственный «прижизненный» альбом «Never Mind The Bollocks» (остальные вышли уже после развала группы как таковой).

По сути весь панк-рок оказался стилем одной группы. «Секс пистолз» принесли ему популярность, они же исчерпали все его возможности. Вторая великая панк-группа — «Клэш» — относится к данному стилю только по внешнему виду. Джо Страммер, лидер «Клэш», родился в семье дипломата, посещал частную школу и Королевский музыкальный колледж, так что гены взяли свое: песни «Клэш» очень хорошо аранжированы, в записях участвуют студийные музыканты, совершенно отсутствует прославившая «Секс пистолз» глумливая издевка, и, наконец, «Клэш» обожают лезть в политику.

Третий «кит» панка — группа «Сиуз энд зе Баншиз» — к панкам имеет еще меньше отношения, чем «Клэш». С самого начала она была всего лишь своеобразным филиалом «Секс пистолз» по разработке наименее буйных проектов, но прославилась тем, что первой стала использовать то таинственное и мрачное — до зловещего — звучание, которое принесло славу очень многим — от «Кьюз» до «Депш мод». Сотни других британских групп, выкрикнув свое «Да отвалите вы все!», так и умерли, не родившись — панк-рок был для них не музыкальным направлением, а стилем жизни. Те же, кто выжил, либо строго придерживались пистолзовских канонов, либо играли что-то, что панком уже не было.

С распадом «Секс пистолз» развалился и панк — каждый кроил из него что-то свое. Одни, как «Хоули Мозес», довели его резкость до предела — и получили грэш. Другие, наоборот, резкость убрали (как «Ю-2»), и вышел пост-панк, третьи просто постриглись по-модному и вставили в нос булавку — родилась «новая волна».

Ровесник 9'91

Оставшись не у дел, экс-«Пистолз» ковали железо, пока горячо. Роттен, первым ушедший из группы, вернул себе настоящую фамилию Лидон и основал группу «Паблик имидж Лтд». Провозгласив, что они «играют анти-рок-н-ролл», «Паблик имидж» так ничего примечательного и не создали. Один из отцов-основателей, басист Глен Мэтлок, качнулся в сторону, панку противоположную, и заиграл в стиле «блиц». Ударник Пол Кук и гитарист Стив Джонс занялись продюсированием, а Сид Вишес начал сольную карьеру.

И в жизни, и на сцене он четко следовал принципам, провозглашенным в «Анархии»: весь мир обошла фотография — едва проснувшийся и еще голый Вишес посреди разгромленной комнаты затыкается «косячком» (выглядит это настолько отвратительно, что, например, в Берлине такие плакаты с надписью «Наркотики убивают» продаются на каждом углу как средство антинаркотической пропаганды). Пресса писала: «Сид всем показал, что значит быть панк-рокером!» И вправду показал: в августе 1978 года он приехал в Нью-Йорк для заключения контракта на участие в фильме «Кто убил Бэмби». Там он познакомился с предполагаемой партнершей, 20-летней Нэнси Спанген («сбежавшей из дому дочерью богатых родителей» — как подавала ее потом пресса). Во время затянувшихся переговоров Вишес остановился в дорогом отеле «Челси», где 8 октября устроил пожар, а спустя четыре дня ударом ножа в живот убил Нэнси Спанген. В феврале 79-го его под залог выпустили из тюрьмы, и в тот же вечер он умер от передозировки наркотика. «Охотничий нож и сверхдоза героина — глупый и уродливый конец панк-рока», — констатировали газеты.

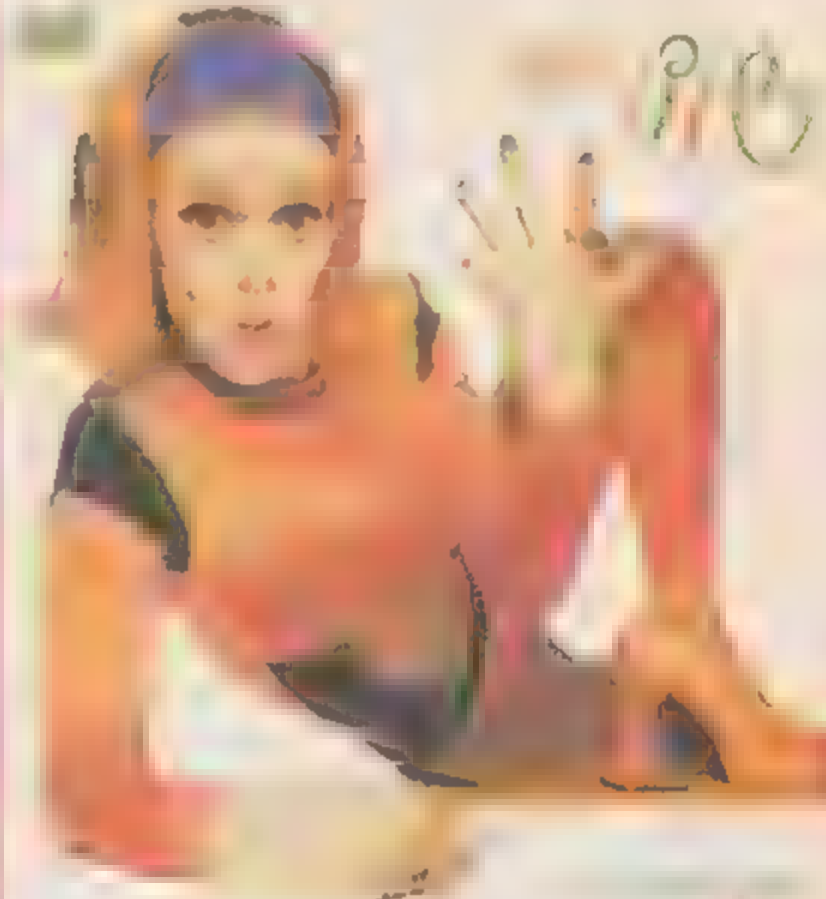
Начинались восьмидесятые.

... что говорят ... что пишут ... что говорят ... что пишут

ЕКАТЕРИНА МЕЩЕРЯКОВА, «МИСС ПЕРМЬ», не ставшая случайно «Мисс СССР», стала зато одной из самых популярных манекенщиц во французской фирме «Нина Риччи». Она была отобрана из 250 кандидаток из 15 стран и получила право представить новую коллекцию фирмы «Эр дю тан». Сегодня неудавшаяся «Мисс СССР» к тому же нарасхват у французских журналов мод. У нее готов контракт с фотофирмой «Фуджи». Первая девушка Перми не теряет времени даром: она поступила в Сорбонну, изучает, кроме французского, немецкий и английский, историю искусств и французскую литературу, потому что считает, что красота без образования и культуры — пустая скорлупа. Как это по-русски, думать о духовном, в Париже

ТВ ПОКАЗАЛО — ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

КЛИП ГРУППЫ «ДИ И И ЛАЙТ», НЕОДНОКРАТНО ДЕМОНИСТРИРОВАВШИЙСЯ ПО ТВ, оставил глубокий след в сердцах наших юных соотечественников — не только мотивчиком, не только славным танцем солистки-вокалистки по имени Леди Кир, не только восхитительными нарядами, но и тем, что, как невинно сообщалось, один из участников, бывший соотечественник наших юных соотечественников Действительно Дмитрий (ист. что с борсдой) прибыл в Лондон из СССР, что англичан несколько не потрясает, ибо третий его когда называют Тоза Тоба, тогда Товха — прибыл туда из Японии. А что поражает англичан, так это умение Леди Кир одеваться на «блошином рынке», где Леди проводит немалую часть свободного времени. И верно — дешево, но зато как сердито

НАРОДНОСТЬ, ПОЧВЕННОСТЬ, ВОЗВРАЩЕНИЕ К КОРНЯМ. Так вот, оказалось, что из знаменитых рок-музыкантов, помимо всего прочего, получают и толковые фермеры. Пол Маккартни как известно стрижет овец, Иэн Андерсон («джейро Талл») помимо работы на тракторе разводит полевых, Стиви и Джиллиана из «Нью-ордер» очень занимается при скотом, а Роджер Делори (на фото он) права вместе со своим старым коллегой по группе «The Who» Питом Тауншендом знатный сыродел (или сыровар?).

Впрочем, у самого Пита Тауншенда тоже есть своя «ферма» — но по выведению молодых поэтов. Он на свои средства основал издательство, печатающее молодых и неимущих авторов.

... что говорят ... что пишут ... что говорят ... что пишут

... что говорят ... что пишут ... что говорят ... что пишут

СОЗДАТЕЛЬ «КУЛЬТОВОГО» ФИЛЬМА ЭТОГО ГОДА «ДОРЗ» ОЛИВЕР СТОУН и не подозревал, что его цель — снять честный фильм об идоле 60-х Джиме Моррисоне и его группе «Дорз» — приведет не только к возрождению интереса к музыке и поэзии Моррисона, но и еще к одному культу. В «большую моду» вернулись башмаки на деревянной подошве — сабо, столь характерные для хипповых 60-х. Теперь сабо застучали по всей Америке, похоже, скоро стук раздастся и у нас

ИНОГДА КОРОТКИЕ ФРАЗЫ, произнесенные людьми знаменитыми, могут сказать об их мыслях, образе жизни и характерах куда больше, чем длинные интервью. Вот почему мы решили ввести в «Что говорят...» новую колонку: «ЧТО ГОВОРЯТ!»

Жерар Депардьё, французский киноактер: «Когда-нибудь я все же решу выучить английский. Но, чтобы выучить английский, требуется как минимум год. А если я все же сумею выкроить свободный год, боюсь, потрачу его не на то, чтобы учить английский...»

Мел Гибсон, австралийский киноактер: «Быть самым привлекательным из всех ныне живущих мужчин все же гораздо приятнее, чем быть самым привлекательным из всех ныне покойных мужчин»

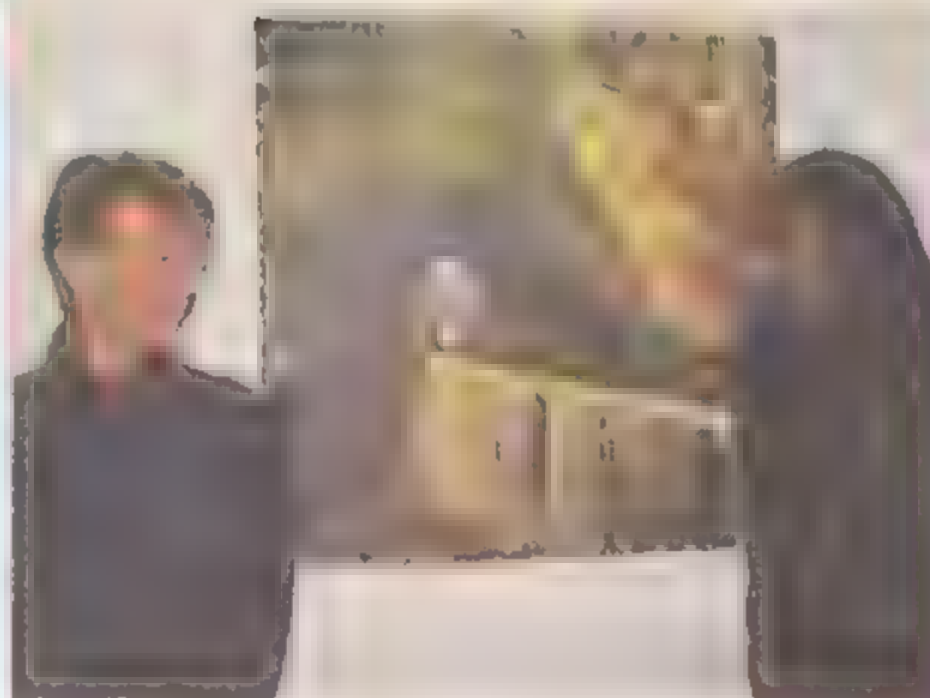
Робин Джибб из группы «Би Джиз»: «Для того, чтобы написать хорошую мелодию, мне требуются всего две ноты. Одна из них — ля, вторая — не ля»

«ЕСЛИ У ВАС ЧТО-ТО НЕ ТАК, ПИШИТЕ НА СТЕНАХ!». Где можно прочесть этот лозунг? Конечно, на стенах. Парижских, а теперь, лондонских и берлинских... Когда-то стены Европы покрывали пошлости, потом политические лозунги. Теперь из всего этого сора родилось искусство — «настенная» поэзия. Короткие строчки порой столь совершенны, что их даже не замазывают работники коммунальных служб. «Из тысячи обиженных улыбок родится наша нежность всем назло...» «Сколько вам было, когда вы родились?..» Красиво, правда?

DE MILLE SOURIRES
CORRATIVES,
MES TENDRESSES
S'ESTIMENT

MISTU

ЧТО, КАК ВЫ ПОЛАГАЕТЕ, ОБЪЕДИНЯЕТ ЭТИ ДВЕ СЕМЕЙНЫЕ ФОТОГРАФИИ? Сильвестр Сталлоне с сыном, Дэвид Боун с женой знаменитой манекенщицей Аймен. А объединяет их то, что эти знаменитости (славные каждый в своем деле), оказывается, еще и «многооточники» у обоих недавно прошли выставки живописи. «Я — старый и убежденный экспрессионист, — говорит Боун. — Это тот период, в котором я чувствую себя особенно удобно». Что касается Сталлоне, то он трудится изо всех сил во всех жанрах — работает и маслом, и карандашом, на выставке в Нью-Йорке были представлены его работы как строго реалистические, так и самый что ни на есть авангард.

Впрочем, американскому Обществу борьбы с раковыми заболеваниями пожертвовали свои работы не только вышеперечисленные товарищи по мольберту, на аукционе, проводимом Обществом, были представлены произведения кисти Джона Кугара Мелланиампа, Фрэнка Синатры и Джерри Гарсиа (гитариста и певца «Грейтфул дэд»)

... что говорят ... что пишут ... что говорят ... что пишут

Новости я узнала в разгаре работы. Я диктовала секретарше захватывающий диалог Ференца Листа и Марии д'Аго.

— «Это безнадежно», — бормотала я на ухо рыдающей секретарше (удивительно чувствительная натура), когда зазвонил телефон. Хлюпая носом и вытирая глаза платком, секретарша взяла трубку и повернулась ко мне:

— Это Пауль Бретт, у него что-то срочное.

Я взяла трубку.

— Дороти? Ты уже слышала? Фрэнк умер!

Я молчала. Пауль нервно добавил:

— Фрэнк Тайлер Твой бывший муж. Он покончил с собой сегодня ночью.

— Это неправда! — Я не верила. У Фрэнка не было ни крупицы мужества. Очаровательный во всех отношениях, но полное отсутствие мужества. А, насколько я знаю, чтобы убить себя, требуется немалое мужество.

— Он покончил с собой этим утром в третьеразрядном отеле, — продолжал Пауль. — Никаких объяснений.

Мое сердце билось реже, реже. Так сильно и так редко. Фрэнк, ...его веселье, смех, кожа... Мертв. Странно, почему смерть легкомысленного человека потрясает сильнее, чем смерть более цельной личности? Я не могла заставить себя поверить.

— Дороти, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Дороти, ты должна приехать. У него нет семьи, и, ты же знаешь, Лола в Риме. Мне очень жаль, Дороти, но ты должна приехать и позаботиться о формальностях. Я заскочу за тобой.

Я передала трубку секретарше, ее, Бог знает почему, все зовут Кэнди-Леленц, и села.

— Фрэнк мертв, — сказала я. Кэнди уткнулась в носовой платок. Разумеется, я частенько — когда меня покидало вдохновение — рассказывала ей грустную историю своей жизни. Она, впрочем, тоже. Короче, она знала о Фрэнке все, и это хоть как-то утешало меня.

Пауль приехал быстро. Он по-дружески взял меня за руку, но не проявил ни малейшего сочувствия, которое, знаю, вызвало бы у меня потоки слез.

Фрэнк лежал на кровати, словно спал, безразличный ко всему, мертвый. Он выстрелил себе в сердце с двух дюймов, так что лицо его осталось нетронутым. Я попрощалась с ним без особых волнений, как, я полагаю, прощаются с частью самого себя, с чем-то, что было частью тела, а взрыв снаряда, операция или несчастный случай забирают эту часть.

Пауль решил отвезти меня домой. Я повиновалась. Было четыре часа дня, солнце обжигало наши лица, и я думала о том, что оно уже никогда не обожжет лица Фрэнка, а он так любил солнце... С мертвыми не церемонятся:

Детективный роман

Франсуаза САГАН,
французская писательница

стоит человеку испугать дух, как его заколачивают в черный ящик и опускают в землю. Избавляются от мертвых. Или приукрашивают, уродуют, выставляют, неузнаваемо изменившихся, напоказ под белыми электрическими огнями. А я бы минут на десять выносила их на солнце, отвозила бы на морской берег, если они любили море; они могли бы в последний раз полюбоваться землей перед тем, как соединиться с ней навеки. Но нет. Мертвых наказывают за их смерть. В лучшем случае мы играем им немного Баха или церковные псалмы, которые они наверняка не любили. В общем, Пауль доставил меня к дому.

— Можно мне зайти на минутку? — я механически кивнула, потом подумала о Левисе. Ах, впрочем, велика важность! Что мне их молчаливые, ледяные взгляды друг на друга, какая разница, что они друг о друге думают.

Итак, Пауль проследовал за мной к террасе, где Левис, растянувшись в кресле, наблюдал за птичками. Он приветливо помахал рукой, но, заметив Пауля, резко опустил ее. Я вошла на террасу и остановилась перед Левисом.

— Левис, Фрэнк умер.

Он нерешительно коснулся моих волос, и тут я не выдержала, что-то во мне сломалось. Я упала на колени и зарыдала у ног этого ребенка, ничего не знающего о горестях жизни. Рука Левиса прошла по моим волосам, лбу, залитым слезами щекам, он молчал. Слегка успокоившись, я взглянула вверх: Пауль ушел, не сказав ни слова. И неожиданно я поняла, что не плакала при нем по одной простой причине — он этого очень хотел.

— Тебе тяжело, — задумчиво произнес Левис.

— Я очень долго любила его.

— Он покинул тебя, — отрезал Левис. — И наказан. Такова жизнь.

— Ты слишком наивен. Жизнь, слава Богу, не детская игра.

— А хотелось бы... — Левис больше не смотрел на меня; его внимание снова обратилось на птичек. Он, казалось, полностью забыл обо мне. На мгновение я подумала, что его сочувствие не так уж глубоко; мне не хватало Пауля Бретта, воспоминаний о Фрэнке, которого мы могли бы воскресить в разговоре, рук Пауля, время от времени платочком осушавших бы мне слезы, короче, — иной, отвратительной, слюнявой, сентиментальной комедии, которую мы могли бы сыграть на этой самой террасе. В то же время я гордилась тем, что удалось обойтись без этого. Завонил телефон, и я вошла в дом. Звонки не прекращались весь вечер. Мои бывшие возлюбленные, друзья,

бедная секретарша, приятели Фрэнка, репортеры (правда, только два-три), казалось, все повисли на телефоне. Они уже знали, что Лола в Риме, узнав новости, сочла удобным грохнуться в обморок и покинуть съемку в сопровождении своего нового итальянца-жиголо. Вся эта суeta совершенно выбила меня из колеи. Никто из них, сейчас таких сочувствующих, ни разу не помог Фрэнку, и именно я, презирая американские законы о разводе, материально поддерживала его до конца. Последний удар нанес Джерри Болтон, глава Актерской Гильдии. Этот тип, отвратительнее которого трудно представить, после моего возвращения из Европы возбуждал одно судебное дело за другим, стараясь довести меня до нищенства, а затем, когда у него ничего не вышло, принялся за Фрэнка — после того, как Лола его оставила. Этот всемогущий, грубый и удивительно ничтожный человек прекрасно знал, что я искренне его ненавижу. Но у него хватило наглости позвонить.

— Дороти, мне так жаль. Я знаю, ты глубоко любила Фрэнка, и я...

— А я знаю, что ты выбросил его на улицу. Повесь трубку, пожалуйста. Я не хочу быть грубой.

Джерри повесил трубку. От злости мне стало легче. Я повернулась к Левису и объяснила ему, почему я ненавижу Джерри Болтона вместе с его долларами и всемогуществом.

— Лицемерный подонок. Я никогда никому не желала смерти, но я почти хочу, чтобы он сдох. Он — единственный, кого я ненавижу до такой степени!

— Ты недостаточно требовательна, — рассеянно заметил Левис. — Наверняка есть и другие.

V

Мы сидели в моем кабинете. Я нервно ерзала, не отрывая глаз от телефона. Кэнди побледнела от волнения. И только Левис был спокоен. Казалось, ему даже скучно. Мы ждали результатов его кинопробы.

Однажды вечером — это было через несколько дней после смерти Фрэнка — он вдруг решился. Он встал, сделал три шага — легко, будто и не было травмы, и остановился передо мной.

— Посмотри, я опять здоров.

Неожиданно я осознала, что настолько привыкла к его присутствию, к его физической неполноценности, что совсем не предполагала, будто он когда-то сможет ходить. Потом он скажет мне «прощай, благодарю тебя», покинет дом, и я больше никогда не увижу его. Странная грусть охватила меня.

Ровесник 9'91

— Это хорошая новость, — в голосе моем не слышалось радости.

— Ты так думаешь?

— Конечно. Что... Что ты собираешься теперь делать?

— Это зависит от тебя, — Левис снова сел. Я перевела дух. По крайней мере, он не собирается сразу же уезжать. Однако его слова заинтриговали меня: как могла судьба такого капризного, равнодушного и свободного существа зависеть от меня? Ведь я была для него не более чем сиделкой.

— Во всяком случае, если я останусь здесь, я должен буду работать, — продолжал он.

— Ты думаешь поселиться в Лос-Анджелесе?

— Я сказал — здесь, — твердо ответил Левис, указав на террасу и кресло. И, помедлив, добавил: — Если, конечно, тебя это не стеснит.

Я уронила сигарету, подобрала ее, встала, бормоча:

— Ну, скажи мне... Э... Я понимаю...

Он, не двигаясь, наблюдал за мной. Потом, странным смутившись, ведь всему же есть предел, я поспешила на кухню и хлебнула виски прямо из бутылки. Наверное, я кончу алкоголичкой, если уже ею не стала. Придя в себя, я вернулась на террасу. Пришло время объяснить этому мальчику, что я живу одна добровольно, по своему собственному желанию, и не нуждаюсь в компании молодого человека. Что, кроме того, его присутствие лишало бы меня возможности принимать дома моих поклонников, весьма существенное неудобство, кроме того... кроме того... кроме того... Короче, я не могла найти лишь причину для его пребывания здесь, в моем доме. В тот момент меня просто возмутило его решение остаться, хотя несколько минут назад я сожалела о его отъезде. Но я привыкла к своим внутренним противоречиям.

— Левис, — начала я, — мы должны поговорить.

— В этом нет нужды. Если ты не хочешь, чтобы я оставался, я уеду.

— Я не об этом, — как видите, моего сопротивления хватило ненадолго.

— О чем же еще?

— Это неприлично, — выдохнула я. Левис расхохотался. От смеха он молодел. Я начала злиться.

— Пока ты выздоравливал, твое присутствие здесь считалось вполне пристойным. Мы подобрали тебя на дороге, ты едва не угодил...

— Итак, если я снова могу ходить, это уже неприлично?

— Теперь объяснения нет.

— Нет объяснения для кого?
— Для всех
— Ты всем объясняешь, как ты живешь? — презрение в его голосе разъярило меня.

— Действительно, Левис, что ты думаешь? У меня своя жизнь, друзья, я даже... э... есть даже мужчины, которые мной интересуются, — произнесла последнюю фразу, я почувствовала, что краснею. В сорок пять лет! Левис кивнул:

— Я прекрасно знаю, что есть мужчины, которые любят тебя. Бретт, например

— Между мной и Паулем ничего не было, — целомудренно ответила я — И потом, это не твоё дело. Просто пойми, что твоё присутствие здесь компрометирует меня

— Ты уже большая девочка, — достаточно твердо заявил Левис. — Я только подумал, что, работая в городе, я мог бы продолжать жить у тебя и платить за квартиру

— Но мне не нужны деньги! Я зарабатываю достаточно

— Мне здесь спокойнее

После бесконечной дискуссии мы пришли к компромиссу. Левис будет искать работу, а потом снимет комнату где-нибудь поблизости, если уж он так настаивает. Перед тем как заснуть, до меня дошло, что мы не коснулись только одного простого вопроса: почему он хочет остаться со мной?

На следующий день я обошла все студии, рассказывая о молодом человеке ангельской внешности, и, собрав коллекцию ехидных замечаний, договорилась о встрече для Левиса. Еще через день я привела его на студию, он спокойно прошел кинопробу, и Джей Грант, мой босс, обещал взглянуть на нее через неделю. И этот день наступил. Зазвонил телефон. Влажной от пота рукой я подняла трубку.

— Дороти? Это Джей. Дорогая, твой маленький приятель очень хорош, просто превосходен. Приезжай и посмотри сама

После того, как Кэнди, снова вытирая глаза, расцеловала нас, мы вскочили в мою машину, побили все рекорды скорости на тех двух милях, что отделяли нас от студии, и упали в объятия Джея. Говоря «мы», я несколько преувеличиваю, так как Левис, насвистывая, еле волочил ноги, выражая полное безразличие к происходящему. Он вежливо поздоровался с Джем, в темноте сел рядом со мной; тут же включили пленку

На экране у него было совсем другое лицо, не поддающееся четкому описанию, жесткое, и в то же время удивительно привлекательное. Я должна была бы восхититься, а мне

стало как-то не по себе. Незнакомец на экране с неожиданной небрежностью и простотой вставал, закуривал, прислонясь к стене, улыбался, зевал, как если бы он был один. Камера несколько не мешала ему, он, казалось, не подозревал о ее наличии. Экран погас, и Джей повернулся ко мне, ликуя

— Ну, Дороти, что ты думаешь? естественно, именно он — автор этого открытия. Я, ничего не говоря, несколько раз кивнула — лучший способ маскировки чувств. Джей обратился к Левису

— Где ты учился играть?

— Нигде.

— Нигде? Ладно, ладно, мой друг.

Левис встал. Казалось, он здорово рассердился

— Я никогда не лгу, мистер э... э...

— Грант, — механически подсказал Джей

— Я никогда не лгу, мистер Грант!

Впервые я увидела, как Джей растерялся. Он даже слегка покраснел:

— Я и не говорил, что ты лжешь, я просто заметил, что ты удивительно естественен для новичка. Дороти может подтвердить

Левис взглянул на меня, улыбнулся и неожиданно наклонился ко мне, как будто мы были одни:

— Я правда тебе понравился? — его лицо замерло в дюйме от моего, и я беспокойно заерзала в кресле.

— Да, Левис, я уверена, ты сделаешь карьеру. Я...

Джей скромно кашлянул, как я и надеялась

— Я подготовлю твой контракт, Левис. Если хочешь, можешь показать его своему адвокату. Где я смогу найти тебя?

Взглянув в кресло, оцепенев, я услышала спокойный ответ Левиса.

Скоро же Джей со мной

VI

Скандал не раздули только благодаря моей малой известности в Голливуде. И лишь Пауль Бретт во время ленча в директорате компании серьезно спросил, что я собираюсь делать с Левисом. Он похудел, что шло ему, и стал меньше улыбаться, впрочем, это обычное явление для сорокалетних в этой стране. И неожиданно он заставил меня вспомнить, что на свете существуют мужчины и любовь. Я весело ответила, что с Левисом меня ничего не связывает, я очень рада за него, и он скоро переедет. Пауль посмотрел на меня подозрительно

— Дороти, мне всегда нравилось, что ты не лжешь и не разыгрываешь идиотских комедий. Не говори мне, что ты целый месяц в целомудрии прожила с красивым молодым парнем. Я полагаю, он не только красив, но и

Я рассмеялась.

— Пауль, ты должен поверить мне. Он не интересуется мной, во всяком случае в этом смысле. Так же, как и я его. Я знаю, это кажется странным, но все так и есть

— Ты клянешься в этом?

Мания мужчин к получению клятв очаровательна. Итак, я поклялась, и, к моему удивлению, Пауль просиял. Вот уж не думала, что он столь доверчив и полагается на женские клятвы, все равно какие.

На следующий день я вернулась домой раньше обычного с твердым намерением роскошно одеться и соблазнить Пауля раз и навсегда. Как обычно, Левис сидел в кресле и смотрел в небо. Он помахал в воздухе листом бумаги. Подойдя, я взяла его. Это был контракт с Грантом. Он включал съемку трех фильмов, прекрасный недельный оклад в течение двух лет и, разумеется, исключительные права. Я быстро пробежала контракт и посоветовала для надежности показать его моему адвокату.

— Ты доволен, Левис?

— Мне все равно; если контракт тебе нравится, я подпишу. Ты торопишься?

— Я приглашена на обед, — бодро ответила я. — Пауль Бретт через час заедет за мной

Я поднялась наверх и через минуту сидела в ванне по шею в горячей воде, с оптимизмом думая о будущем. Решительно, мне уж что-то выбраться из очень щекотливой ситуации перед Левисом открывалась блестящая карьера, Пауль все еще любит меня, мы собираемся пообедать, поразвлекаться, быть может, заняться любовью — жизнь прекрасна. Я взглянула в зеркало на свою еще стройную фигуру, сияющую физиономию и, что-то напевая, скользнула в прекрасный халат, присланный дочерью из Парижа. Затем присела у туалетного столика, вытащила бесчисленное множество баночек с магическими кремами и начала священнодействие. Левиса я увидела в зеркало. Он без стука вошел в спальню (меня это удивило, но особенно не рассердило, учитывая, как я уже отмечала, мое прекрасное настроение) и сел на ковер возле меня. С одним глазом я уже покончила, со вторым — нет, выглядела наверняка глупо, поэтому продолжала устранение асимметрии

— Где ты собираешься обедать? — спросил Левис

— У «Чейзена». Это в Лос-Анджелесе, единственный ресторан, который тебе стоит посетить! Скоро ты появишься там как звезда

— Не говори ерунды, — он говорил грубо и раздраженно. На мгновение я оторвалась от дела, моя рука с кисточкой для теней замерла в воздухе.

— Я не говорю срунду. Это очаровательное место

Левис не ответил. Как обычно, он смотрел в окно. Я покончила с глазом, но, к моему удивлению, не решалась накрасить губы в его присутствии. Мне казалось, что это так же неприлично, как раздеться перед ребенком. Я пошла в ванную, тщательно подвела губы а-ля Кроуфорд и надела вечернее голубое платье, мое самое любимое. Возникли трудности с «молнией», и я полностью забыла о Левисе, из-за чего, входя в спальню, чуть не наступила на него, все еще сидящего на ковре. Он вскочил на ноги и уставился на меня. Довольная собой, я мило ему улыбнулась

— Что ты обо мне думаешь?

— В наряде садовника ты мне нравишься больше.

Я засмеялась и пошла к двери: пора готовить коктейли. Но Левис схватил меня за руку.

— А я что буду делать?

— Делай что хочешь, — ответила я в изумлении. — Смотри телевизор, в холодильнике копченая семга... или, если хочешь, можешь взять мою машину ..

Он все еще держал меня за руку, лицо его закаменело. Он смотрел на меня пустым взором, и я узнала тот самый взгляд, что порастил меня в студии, — взгляд пришельца из космоса. Я попыталась высвободить руку, а когда это не удалось, подумала с надеждой, что скоро придет Пауль

— Разреши мне пройти, Левис. Я опаздываю, — я говорила тихо, будто боясь разбудить его. На лбу и вокруг рта Левиса появились капельки пота, я подумала, уж не болен ли он. В этот момент он будто увидел меня, очнулся и отпустил мою руку

— У тебя ожерелье плохо застегнуто.

Его руки легко обвили вокруг моей шеи, замочек нитки жемчуга щелкнул. Потом он отступил на шаг, и я вышла из комнаты. Все это длилось не более секунды, но я почувствовала, как крошечная капелька пота скатилась по спине. Не от возбуждения, вызванного прикосновением мужских рук. Это-то чувство я знала прекрасно

Пауль прибыл вовремя, был мил с Левисом, несколько снисходительным, но очаровательным, и мы вдвоем выпили по коктейлю. Мой оптимизм быстро восстановился. Уезжая, я помахала рукой Левису, неподвижно стоявшему в дверном проеме: высокий, стройный силуэт, красивый, такой красивый .. Слишком красивый

Вечер прошел, как я и ожидала. Я снова испытала прелесть табачного запаха и любовных слов, нашептыва-

емых в темноте. Пауль сказал, что любит меня, и попросил выйти за него замуж. Я, естественно, согласилась, так как в такие минуты готова согласиться на что угодно

VII

Прошел месяц. Левис начал работать — второстепенная роль в сентиментальном вестерне. Тем не менее, когда нам однажды вечером показали снятые куски, Левис был настолько хорош в них, что о нем начали говорить. Он же, казалось, отнесся ко всей этой суете безо всякого интереса. Молча слонялся по студии, часами сидел в моем кабинете, выслушивая болтовню Кэнди, или дремал среди старых голливудских декораций, отдавая предпочтение тем, что делали для вестернов, — их никогда не разбирали: целые деревни с балконами и деревянными тестницами, фасадами, за которыми ничего не было, — пустые, трогательные и отвратительные одновременно. Левис бродил по фальшивым улицам или сидел на ступеньках с сигаретой во рту. Вечером я отвозила его домой. По вечерам ему приходилось нередко оставаться одному, хотя я неоднократно советовала ему найти себе компанию. Пауль жаждал как можно скорее предстать перед священником, и, чтобы сдерживать его, требовалась вся моя дипломатия. Все считали, что я разделяю объятья двух мужчин, и от этого я чувствовала себя помолодевшей. Но где-то в глубине души накапливалось и раздражение

Так продолжалось около трех недель. А потом Левиса решил купить Болтон. Ему это удалось без особых хлопот. В Голливуде не было режиссера, который отважился бы в чем-то отказать ему. Включая и Джея. Болтон встретился с Левисом, предложил ему лучшие условия и купил контракт у Джея. Я разъярилась. Особенно потому, что Левис отказывался рассказывать мне о встрече. Я еле заставила его

— Там большой стол. Он сидел с сигаретой. Предложил мне сесть, потом поднял трубку и позвонил еще какому-то парню

— Что ты тогда сделал?

— Взял со стола журнал, начал читать

Я не могла не улыбнуться. Приятно представить себе молодого человека, читающего журнал, сидя перед Болтоном.

— А потом?

— Он положил трубку, спросил, не думаю ли я, что это приемная дантиста.

— Что ты ответил?

— Что не думаю. Я ни разу не был у

Ровесник 9'91

дантиста, никогда. У меня очень хорошие зубы.

Левис наклонился ко мне и пальцем приподнял верхнюю губу, чтобы доказать свою правоту. Зубы у него были, как у волка, белые и острые. Я кивнула

— А потом?

— А потом ничего. Он что-то пробормотал и сказал, что это честь для меня, что он мной интересуется, или что-то в этом роде. Что он собирается купить мой контракт, он сделает мне карьеру, э. . как это он сказал производящую впечатление карьеру, — тут он расхохотался. — Производящую впечатление! Я ответил, что мне все равно и я хочу только заработать кучу денег. Ты знаешь, я нашел «роллс».

— Что?

— Я же говорю, «роллс», ты на днях говорила о таком с Паулем, а который можно войти не сгибаясь. Я нашел его для тебя. Ему лет двадцать, он очень высокий, а внутри весь золотой. Мы получим его на следующей неделе. Болтон дал мне достаточно денег для первого взноса.

На мгновение я остоленела

— Ты хочешь сказать, что купил мне «роллс»?

— Разве ты не хотела его иметь?

— И ты полагаешь, что и дальше будешь осуществлять все мои школьные мечты? Ты сошел с ума!

Левис успокаивающе махнул рукой, жест, более уместный для мужчины зрелых лет. Наши роли переменились. Отношения, до того бывшие платоническими, теперь становились просто смешными. Трогательными, но смешными. По моему лицу Левис все понял, так как тут же надулся

— Я думал, тебе будет приятно... Извини, я должен уйти сегодня вечером.

Прежде чем я успела что-либо сказать, он встал и скрылся в доме. Терзаемая раскаянием, я отправилась спать, около полуночи поднялась, чтобы написать Левису письмо с благодарностью и извинениями столь приторными, что пришлось в конце концов вычеркнуть несколько фраз. Зайдя в комнату Левиса, я сунула письмо под подушку и еще долго не могла заснуть, ожидая его возвращения. В четыре утра Левис еще не появился, и, со смесью облегчения и грусти, я заключила, что он наконец нашел себе любовницу.

перевод Л. ТАТНО

Продолжение следует

В оформлении использованы фрагменты картин Никаса САФРОНОВА

Необязательные Советы

Для кого-то в этом сентябре начался новый учебный год, а для кого-то — совершенно новая жизнь, жизнь после школы. И если вы, пришедшие в последний или предпоследний класс, полагаете, что жизнь эта куда легче и приятнее вашей, — вы глубоко ошибаетесь, друзья. Потому что с окончанием школы проблемы только начинаются...

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ШКОЛЫ

Ну, готовы? Возьмите ручку и тетрадь. На первой странице напишите заголовок, определяющий смысл всех ваших последующих записей. Например: «Перекрестки», «Руководство по строительству будущей жизни». На следующей странице обозначьте свою конечную цель — кем вы хотите стать: учителем, спортсменом-профессионалом, врачом или просто, без затей — женой и матерью (это, понятно, для девочек).

Помните, что вы не в состоянии угодить своим выбором всем — и прекрасно! Главное, чтобы этот выбор устраивал вас. Попробуйте не слишком поддаваться влиянию друзей. Если ваша задушевная полруга Марчия мечтает поступить в художественный колледж, а вас тянет к бизнесу, не позволяйте ей убедить вас в том, что и вам надо положить жизнь на алтарь искусства! Однако прислушайтесь к советам тех, кто любит вас и для кого вы представляете предмет забот и беспокойства, — к своим родителям. Их жизненный опыт поможет вам спланировать будущее; они могут предвидеть, где жлет вас неудача, а где — успех. К тому же мама с папой наверняка знают вас лучше всех и могут подсказать, в чем вы особенно сильны.

После того, как вы определили конечную цель, зафиксировали ее письменно, настал черед исследовательской работы: определить, как ее достичь. Предположим, вы вознамерились сделать карьеру, тогда вы должны запомнить, что на этом пути вам будут предъявляться особые требования как с точки зрения образования, так и с точки зрения профессионального опыта. Сходите в библиотеку и тщательно изучите все, что относится к вашей будущей профессии, чтобы понять, на что в первую очередь обратить внимание. Если вы решили стать врачом, выясните, на какие предметы вам необходимо обратить особое внимание в последних классах школы. Если ваша мечта — журналистика, то важно начать сотрудничать с местной прессой еще на школьной скамье.

Не упускайте возможности приобрести практический опыт в вашей будущей специальности. Решили стать учителем физкультуры? Почему бы не заняться физической подготовкой всерьез? Познакомьтесь с азами медицины, помогайте школьному учителю — это даст вам какой-то опыт, к тому же вы поймете, увлекает ли вас эта профессия.

Полли Стэноч РИКС,
американская журналистка

Если вы считаете, что уже получили общее представление о том, как добратся до поставленной цели, снова вынимайте заветную тетрадь.

Скажем, вы решили стать юристом. Ваш план-конспект предстоящих действий может выглядеть приблизительно так:

1 Закончить школу с определенным баллом*.

2 Поступив в колледж,

а) стать одним из лучших студентов,
б) принимать участие в студенческом самоуправлении;

в) во время каникул поработать в какой-нибудь юридической фирме в качестве клерка.

3. Поступив в одно из десяти лучших юридических учебных заведений,

а) написать работу по действующим законам (государства, штата и т.д.);

б) летом пройти практику в одной из лучших юридических фирм,

в) позаботиться о хорошем месте еще до окончания учебного заведения.

4. Сдать экзамен на адвоката.

Обязательно продолжайте вписывать новые пункты в план — до тех пор, пока не достигнете своей цели.

Постойте-ка! А что, если у вас еще нет цели? Если так, то не впадайте в панику.

Просто постарайтесь разобраться в том, что вас интересует. Попробуйте ответить на следующие вопросы:

Что вас волнует в жизни?

Чем вы больше всего любите заниматься в свободное время?

Вам нравится в школе? Перечислите ваши любимые предметы.

В каких предметах вы преуспеваете? Какие — ваше самое слабое место?

Вы бы хотели продолжить образование после школы?

Как вам более всего нравится работать: головой или руками?

Что вы уже умеете делать?

Что вы предпочитаете: работать в помещении или на свежем воздухе?

Чем ваши родители зарабатывают себе на жизнь? Ваши дедушки и бабушки, братья и сестры, тети и дяди, кузены и кузины?

Хотели бы вы заниматься тем, чем занимаются они?

Что говорят ваши друзья о планах на будущее? Что они собираются делать после окончания школы?

Не кажутся ли вам некоторые их планы привлекательными?

Не забывайте, что на вас постоянно влияют внешние обстоятельства. То, что вы хотели бы получить от жизни, будет зависеть от того, что вы уже имеете, и это в определенной степени повлияет на ваши ответы.

А теперь постарайтесь копнуть глубже и проанализировать, существует ли связь между всеми вашими ответами, и если да, то какая? Вам нравится учиться, нравится работать с людьми, у вас есть способности к написанию легко запоминающихся мелодий? Тогда стоит подумать о карьере в сфере шоу-бизнеса. Вам нравится готовить, вы с удовольствием возитесь на кухне, и вы не хотите тратить еще четыре года на колледж? Тогда ответ на поставленные вопросы — кулинарное училище. А наша конечная цель — шеф-повар в роскошном ресторане. И так далее.

Но помните, что, какую бы дорогу вы ни выбрали, вы всегда можете повернуть назад или сменить курс. Не уставайте спрашивать себя: «А принес ли мне счастье мой выбор?», «Уверен ли я, что именно этим мне хотелось бы заниматься всю оставшуюся жизнь?» Если вы не можете ответить на эти вопросы утвердительно, самое время пересмотреть свое решение. Помните, что ваш выбор еще не окончательный вариант. Вы можете пойти другим путем, если поймете, что ошиблись. Важно вовремя увидеть свою ошибку и не бояться признать ее. Это — ваше будущее, ваша жизнь, и только вам ею распоряжаться.

Перевела с английского
Н. ХРОПОВА

* Это рекомендации американским школьникам, но суть их не меняется и в наших условиях — стоит только чуть-чуть подумать над тем, как «подправить» их с учетом нашей действительности. — Прим. ред.

«ТРИ ТЫСЯЧИ»

ANOTHER DAY IN PARADISE

Слова и музыка Фила Коллинза

She calls out to the man on the street
 Sir can you help me
 It's cold and I've
 nowhere to sleep
 Is there somewhere
 you can tell me

He walks on doesn't look back
 He pretends he can't hear her
 Starts to whistle
 as he crosses the street
 Seems embarrassed to be there

Oh think twice it's another day
 for you and me in paradise
 Oh think twice it's just another
 day for you, you and me in paradise

She calls out to the man on the street
 He can see she's been crying
 She's got blisters on the soles
 of her feet
 Can't walk but she's trying

Oh Lord is there nothing more
 anybody can do
 Oh Lord there must be something
 you can say

You can tell from the lines
 on her face
 You can see that she's been there
 Probably been moved on
 from every place
 Cos she didn't fit in there

Именно так должен был поначалу называться фильм «Красивая женщина», имевший в прошлом году неслыханный кассовый успех и в США, и в Европе — ибо именно столько зарабатывает за неделю «девушка по вызову», обслуживающая крупных бизнесменов, которые в деловых поездках стремятся «оторваться от семьи». И фильм поначалу должен был быть иным — тягучим, мрачным и трагичным. А получилась очаровательная мелодрама, одинаково трогаящая сердца и мужчин, и женщин. Когда продюсеры передали сценарий на студию Диснея, работники студии решили, что все должно быть легче и элегантнее... Вот и получился из главной героини, как писали потом, «Олененок Бэмби, заблудившийся в дебрях большого города...».

Сияющие нарисованные глаза, большой, всегда готовый к улыбке рот, заразительный, такой естественный смех — все это превратило актрису Джулию Робертс в настоящую звезду сегодняшнего кинематографа. До этого было, правда, несколько ролей, за одну из которых — в фильме «Стальные магнолии» — Джулию даже выдвигали на «Оскара». Но успех, настоящий, безоговорочный, пришел к ней только с «Красивой женщиной».

До этого в семье Робертс — и отец, и мать были актерами-неудачниками — уже был один успех. Его добился Эрик, брат Джулии. Но он снимался в серьезных, порой даже экспериментальных фильмах, ее же пока привлекают коммерческие...

«Впрочем, когда я сказала маме о предложении сняться в «Красивой женщине», я побоялась сообщить, что буду играть проститутку. Мама хоть и сама когда-то была антрисой и понимает, что требует профессия, испугалась бы, потому что в подобном фильме непременно должны были быть рискованные с моральной точки зрения сцены». Однако семейного конфликта удалось избежать — благодаря режиссуре Гэри Маршалла и игре партнера Джулии, блистательного актера Ричарда Джира. Им удалось настолько тонко подчеркнуть внутреннюю чистоту и даже невинность героини, что, в общем-то, традиционная сказочка о падшей женщине, «хорошей внутри», превратилась в увлекательное и привлекательное зрелище.

Хрупкость и ранимость героини Джулии Робертс — лишь внешние, за этим скрывается стойкость и сильный характер. Героиня «Стальных магнолий», несмотря на предупреждения врачей, все же решает родить ребенка — и умирает. Героиня последнего фильма актрисы «Спать с врагом» живет в семейном аду — ее терроризирует муж-инвалид, он бьет ее, издевается, но Джулия встает, и вновь на лице ее светится улыбка. Чем-то эта улыбка напоминает улыбку Джульетты Мазины из «Ночей Кабирии» или улыбку Ширли Маклейн, когда слезы и горе не могут погасить сияние глаз.

Джулия снималась вместе с Ширли Маклейн в «Стальных магнолиях» — «Я многому у нее научилась. И что самое потрясающее — она так похожа на мою маму!»

Воспоминания о семье для Джулии — это самое прекрасное. «В нашем доме было так много любви... Я все время хотела стать актрисой, способности проявились рано, я потрясающе умела имитировать болезнь, когда не хотелось идти в школу. И все равно семья для меня — главное. Я сейчас много снимаюсь, мир кино — это мой мир, однако мне нажется, что настоящий мир существует только в семье. Мне пока только двадцать с небольшим, и этот мир у меня обязательно будет».

Е. ЛИВШИЦ

Julia Roberts

МОРЕ ЛЮБВИ SEA OF LOVE

США. 1989 г. 1 ч. 53 мин. Реж. Хэролд Бекер, сцен. Ричард Прайс. В ролях: Аль Пачино (Фрэнк Келлер), Эллен Баркин (Хелен Крюгер), Джон Гудмен, Уильям Хайни и др.

Полицейский Фрэнк Келлер расследует цепь убийств мужчин, отыскивая, как выясняет полиция, на объявления, которые публикуют в «газетах для одиноких». Объявления эти написаны стихами, и полиция ищет женщину-убийцу, обладающую поэтической натурой.

Фрэнк публикует в такой газете просьбу о встрече, используя для этого стихотворение, которое его отец когда-то сочинил для его матери. И на встречу приходит одинокая женщина... У Фрэнка и Хелен начинается настоящая любовь, отягченная, однако, взаимными подозрениями. Но все, как и положено, кончается хорошо.

США. 1989 г. 1 ч. 40 мин. Реж. Боб Радлер. Сцен. Пол Ливайн. В ролях: Эрик Робертс (Алекс Грейди), Джеймс Эрл Джонс (Тренер Коузо), Сэлли Киркланд, Филип Ри, Кристофер Пенн и др.

Очередной «наратешный» фильм, герои которого — члены сборной команды США — в течение всего фильма под наблюдением строгого тренера Коузо готовятся к предстоящему матчу со спортсменами Кореи.

Готовятся-готовятся, и, естественно, побеждают...

ЛУЧШИЙ BEST OF THE BEST

ИЗ ЛУЧШИХ

Австралия. 1989 г. 1 ч. 38 мин. В ролях: Кайли Миноуг, Чарли Шлэттер и др.

Это — первая работа на «большом экране» известной австралийской певицы Кайли Миноуг (до этого она снималась в телефильме «Соседи»). И тема — что ни на есть «подростковая»: Кайли Миноуг играет пятнадцатилетнюю «плохую девчонку», чей бурный роман с местным парнем вызывает гнев жителей сонного австралийского городка образца 50-х годов.

МАЛОЛЕТНИЕ ПРЕСТУПНИКИ

THE DELINQUENTS

США. 1989 г. 1 ч. 34 мин. Реж. Джо Динсон, сцен. Эд Нази и Том Шалиен. В ролях: Рик Моранис (Уэйн Салинский), Мэтт Фрюер (Большой Расс Томсон), Марсия Страсман (Шайна Салинская), Кристина Сазерленд, Томас Браун и др.

Симпатичная комедия, герой которой, изобретатель «уменьшающей машины», по ошибке уменьшает своих и соседских детей. И начинаются немыслимые приключения детей в странном неизменяемо огромном — где трава как деревья, а муравьи словно слоны — мире, в «Стране Дремучих Трав». Им надо добраться со двора, где их застигло «уменьшение», до дома...

Чем-то этот фильм напоминает знаменитую комбинацию мультипликация и игрового кино «Кто подставил Кролика Роднера».

HONEY I SHRUNK THE KIDS

ДОРОГАЯ, Я УМЕНЬШИЛ ДЕТЕЙ

CHRISTINE
КРИСТИНА

США. 1983 г. 1 ч. 50 мин. Реж. Джон Карпентер, сцен. Билл Филлипс по роману Стивена Кинга. В ролях: Кейт Гордон (Арни Каннингем), Джон Стоквелл (Деннис), Александра Пол (Ли Хабот) и др.

Жил-был обыкновенный американский подросток, которого очень донимали одноклассники — здание американские «кванины». И было ему худо, пока он не встретил на свалке старую машину, которую смог привести в порядок и даже полюбить. А, надо сказать, у машины этой, которую звали «Кристина», было темное прошлое — еще во время сборки она поналечила немалое количество людей... Но наш герой так трогательно к ней относится, что чувство у них возникает взаимное, а когда юный человек встречает девушку, машина начинает ревновать. Параллельно она громит «квакиных», и что характерно — как только задумает сделать что-то нехорошее, так в ее радиоприемнике сами собой начинают звучать рок-н-роллы 50-х. В результате и герой попадает под ее дурное влияние. Но героине с другом героя удастся победить и героя и машину, однако «Кристина» — то она оказывается не простой, а бессмертной. Короче: не покупайте подержанные автомобили западных фирм ни за отечественную, ни за свободно конвертируемую валюту!

США. 1990 г. 2 ч. 7 мин. Реж. Алан Пакула. В ролях: Харрисон Форд (Расти Сэбич), Брайан Деннехи (Рэймонд Хорган), Бонни Беделиа (Барбара Сэбич), Грета Снакчи (Кэролайн Полхемус) и др.

Судебный следователь Расти Сэбич назначен расследовать дело об убийстве его старой знакомой и коллеги Кэролайн Полхемус. Расти всячески затягивает расследование, скрывает некоторые аспекты дела — потому что у него был с Кэролайн роман. Его поведение неминуемо вызывает вопросы, и вот он сам становится основным подозреваемым. Ему не верит никто, даже его друг-адвокат, в невиновности же Расти убеждены только обманутая им жена Барбара... Достаточно остро замученный боевик, особенно интересный для поклонников Харрисона Форда.

PRESUMED INNOCENT

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ

Индекс 70781

Цена: 50 коп.